

РЕНСОМ РИГГЗ

СОБРАНИЕ ПТИЦ

ДОМ СТРАННЫХ ДЕТЕЙ

Мисс Перегрин

Ренсом Риггз
Собрание птиц

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Риггз Р.

Собрание птиц / Р. Риггз — «Издательство АСТ», 2020 — (Мисс Перегрин)

ISBN 978-5-17-120767-0

Путешествие Джейкоба Портмана и его друзей через временные петли – из Англии в Америку и обратно – продолжается. Его ждет встреча с новыми врагами, обретение новых союзников и поиск ответов на новые вопросы. Имея лишь несколько подсказок, он должен выяснить, как найти Ви, самого загадочного и могущественного из бывших соратников его деда Эйба. Джейкоб должен доставить к Ви Нур Прадеш, «странную» девушку, которую он спас, рискуя жизнью. О Нур говорится в древнем пророчестве: «Спаси Нур – спаси будущее». Но Ви скрывается, и не хочет, чтобы ее нашли...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-120767-0

© Риггз Р., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	25
Глава третья	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ренсом Риггз

Собрание птиц

«Вы, те, кто всю жизнь проводит в городах и мирных селениях, не всегда можете сказать, пойдут ли ваши друзья в огонь ради вас.

Но на Великих равнинах у друзей есть возможность доказать свое мужество.

Уильям Ф. Коди по прозвищу Буффало Билл¹

¹ Уильям Фредерик Коди по прозвищу Буффало Билл (1846–1917) – американский военный, предприниматель, антрепренер и шоумен.

Глава первая

В недрах китайского рынка морепродуктов, озаренного слабым зеленоватым светом неоновых вывесок, в дальней части склада, среди резервуаров с живыми крабами, притаились мы с Нур. Съежившись, мы сидели на корточках в облаке тьмы, порожденном девушкой, «поедающей» свет. За нами наблюдали тысячи пар враждебных крошечных глаз. Люди Лео следовали за нами по пятам, и терпение у них, судя по всему, было на исходе. Мы слышали крики и грохот – это бандиты, разыскивая нас, громили рынок. «Прошу, не надо, – услышал я всхлип какой-то старухи, – я никого не видела...»

Мы слишком поздно сообразили, что коридор заканчивается тупиком, и в результате очутились в ловушке. Мы сидели у сточной канавы в узком проходе между штабелями аквариумов с несчастными крабами, приговоренными к съедению. Аквариумы были нагромождены друг на друга по десять штук; опасно накренившиеся штабеля стеклянных ящиков почти касались потолка. В короткие мгновения тишины, время от времени наступавшие между звуками ударов и криками, сквозь собственное прерывистое дыхание и стук сердец мы слышали беспрестанное ритмичное царапанье. Это обитатели аквариумов скреблись о стекло, и звуки крабьего «оркестра», похожие на стук множества сломанных пишущих машинок, вгрызались мне в уши.

С другой стороны, возня крабов отчасти заглушала наше хриплое дыхание. Я надеялся, что этого шума хватит, чтобы отвлечь врагов. И еще надеялся, что неестественный мрак, созданный Нур, продержится достаточно долго, и люди, чьи тяжелые шаги неумолимо приближались, не станут присматриваться к извивающемуся клубку крошечной тьмы со смутными, нечеткими краями. Это была «дыра» в пространстве, аномалия, которую невозможно не заметить, если уж на нее упал взгляд. Нур придавала тьме форму, описав в воздухе неправильную окружность. Вслед за ее рукой возникала черная завеса, а свет собирался на кончиках пальцев, подобно сияющей кондитерской глазури. Она сунула пальцы в рот и сглотнула, и я увидел, как комок света движется вниз по ее пищеводу. А потом он погас.

Бандитам нужна была Нур, но они с удовольствием прихватили бы и меня, хотя бы для того, чтобы пристрелить. Я знал, что они наверняка уже обнаружили Эйча в квартире, мертвого, без глаз, вырванных ручной пустотой. Только сегодня Эйч и его чудовищный помощник вытащили Нур из петли Лео, ранив при этом нескольких членов шайки. Возможно, главарь бандитов и простил бы Эйчу и Нур небольшой побочный ущерб. Но другого он простить не мог – того, что его, Лео Бернема, странного лидера клана Пяти Районов, унизили перед подчиненными. «Дикая» странная девушка, которую он объявил своей собственностью, была похищена из его дома, «командного центра» и сердца империи, занимавшей почти весь восток Соединенных Штатов. Я знал: если они выяснят, что я помогаю Нур бежать, мой смертный приговор будет подписан.

Головорезы Лео приближались, их крики становились все громче. Нур поправляла «черную дыру», выпрямляя ее края большим и указательным пальцами, когда сгусток тьмы начал расползаться и терять форму; если черная субстанция рассеивалась, девушка заполняла центр нашего укрытия новыми порциями тьмы.

Я жалел, что не могу видеть лицо Нур. Разгадать его выражение. Я хотел узнать, о чем она думает, как она держится. Трудно было представить, что юная девушка, совершенно не знакомая со странным миром, не дрогнув, вынесет ошеломляющие события, свалившиеся на нее так внезапно. В течение последних нескольких дней за ней охотились нормальные с вертолетами и пистолетами, стреляли в нее дротиками с транквилизаторами, а потом ее похитила странная девочка-гипнотизерша, чтобы продать на аукционе... Едва успев вырваться на свободу, Нур угодила в лапы Лео Бернема. Она провела несколько дней в тюремной камере в

штаб-квартире Лео, затем в процессе рискованного побега с Эйчем ее усыпили с помощью «сонной пыли». Очнувшись в квартире Эйча, она увидела своего спасителя мертвым на полу. При виде окровавленного, изувеченного трупа она испытала такое потрясение, что из ее тела наружу устремилась настоящая «бомба» концентрированного света, подобная шаровой молнии. Эта «шаровая молния» едва не снесла мне голову.

Когда Нур оправилась от шока, я поделился с ней обрывками сведений, полученными от Эйча перед тем, как он испустил дух. Оказалось, что на свете существует еще одна, последняя охотница на пустот, женщина по имени Ви. Я должен был доставить Нур к этой женщине, потому что только с Ви она могла не волноваться за свою безопасность. Единственными ниточками, ведущими к Ви, были обрывок карты из сейфа, вмонтированного в стену в комнате Эйча, и невнятные инструкции, которые успела пробормотать перед исчезновением отвратительная тварь, бывшая ручная пустота Эйча по имени Горацио.

Но я еще не сказал Нур, *почему* Эйч приложил столько усилий для ее спасения, втянул в это дело меня и моих друзей и в конце концов погиб, спасая пленницу из дома Лео. Я не рассказал ей о пророчестве. У меня просто не было времени – мы только и делали, что сломя голову бегали туда-сюда по кварталу с той самой секунды, когда я услышал топот ребят Лео за дверями квартиры Эйча. Но существовала и более серьезная причина: я опасался, что это известие станет для Нур последней каплей.

«Она – одна из семерых, чье пришествие предсказано... спасители странного мира... наступает новая и очень опасная эпоха...» Откровенно говоря, это действительно звучало как бред сумасшедшего, выдумки чокнутого сектанта. Необычные и порой страшные события, в которые была вовлечена Нур в странном мире, подвергли серьезному испытанию ее способность верить собственным глазам и ушам, не говоря уже о здравом рассудке. Я боялся, что сообщение о «пришествии спасителей» вынудит ее пуститься наутек. Любой нормальный человек на ее месте давно бы уже так и сделал.

Разумеется, Нур Прадеш ни в коем случае нельзя было назвать нормальной девушкой. Она была *странной*. Более того, она обладала удивительной силой духа.

Пока я размышлял обо всем этом, беглянка наклонилась ко мне и прошептала:

– Скажи, а после того, как мы отсюда выберемся... у тебя есть план? Куда мы отправимся?

– Подальше от Нью-Йорка, – ответил я.

Последовала короткая пауза, затем я услышал:

– Как именно?

– Не знаю. На поезде? На автобусе? – Я пока не заглядывал так далеко вперед.

– О, – произнесла она с ноткой разочарования в голосе. – Значит, ты не можешь, ну, типа, мгновенно перенести нас отсюда по волшебству? С помощью одной из ваших этих штук, временных порталов?

– На самом деле они работают не совсем так. То есть, может быть, некоторые и работают... – Я принялся соображать, как попасть отсюда в Панпитликум. – Но нам придется сначала как-то отыскать один из них.

– А как насчет твоих друзей? Разве у тебя нет... команды?

Когда я услышал этот вопрос, мое сердце упало.

– Они даже не знают, что я здесь.

Затем я подумал: «И даже если бы они знали...» Но промолчал.

Я скорее почувствовал, чем увидел, как ее плечи поникли.

– Не волнуйся, – наконец, выдавил я. – Я что-нибудь придумаю.

Прежде, до этого дня, мне и думать было бы не о чем: следовало просто найти друзей. Мне отчаянно хотелось снова получить такую возможность. Они бы сообразили, что делать. Они служили мне опорой с того момента, как я появился в новом мире. Без них я чувствовал

себя несчастным и потерянным, словно корабль, несущийся по бурному морю без руля и ветрил. Но Эйч настойчиво предупреждал меня о том, что Нур нельзя приводить к имбринам. Кроме того, я не был уверен в том, что у меня до сих пор остались друзья. Или в том, что они относятся ко мне по-прежнему. Поступок Эйча, операция, закончить которую я ему помогал, могла лишить имбрин последнего шанса на перемирие между американскими кланами. А еще я осознавал, что после моего побега и действий на свой страх и риск друзья наверняка перестали доверять мне.

Итак, мне и моей новой знакомой оставалось рассчитывать только на собственные силы. Поэтому план был прост, хотя далеко увести нас он не мог. Бежать как можно быстрее. Думать как можно упорнее. Надеяться на судьбу и везение.

А если окажется, что мы бегаем недостаточно быстро? А если удача отвернется от нас? Возможно, думал я, у меня не будет другого шанса сообщить Нур о пророчестве и она проживет остаток своей жизни, короткой или длинной, не зная, почему все эти люди охотятся за ней.

Неподалеку раздался оглушительный грохот, за ним – вопли парней Лео. Судя по всему, времени у нас оставалось немного.

– Мне нужно рассказать тебе кое о чем, – прошептал я.

– А это не может подождать?

Момент был совершенно неподходящий. Но я знал: вполне вероятно, что второго такого у меня не будет.

– Ты должна знать одну вещь. На случай, если нам придется разделиться, или... если случится что-то еще.

– Ладно. – Она вздохнула. – Я слушаю.

– Наверное, мои слова прозвучат нелепо, так что прежде чем я расскажу, должен предупредить: я и сам ничего не понимаю. Перед смертью Эйч передал мне одно пророчество.

Совсем близко кричал какой-то человек, а на него, в свою очередь, кричали бандюги Лео – он на кантонском диалекте, они на английском. До нас донесся звук удара, вскрик, неразборчивая угроза. Мы с Нур окаменели.

– Там, на задворках! – проорал один из бандитов.

– Оно имеет к тебе непосредственное отношение, – продолжал я, почти касаясь губами уха Нур.

Я почувствовал, что она дрожит всем телом. Края темного облака, скрывавшего нас, тоже дрогнули.

– Говори, – выдохнула она.

Люди Лео вышли из-за угла и загородили выход из тупика. У нас не осталось времени на разговоры.

Враги шагали по коридору по направлению к нам, волоча за собой какого-то несчастного грузчика или уборщика. Лучи их фонариков плясали на стенах; блестели стекла аквариумов, в которых копошились крабы. Я не смел поднять голову, боясь нечаянно высунуться из темного шара Нур, и напрягся, собираясь с силами перед неравной схваткой.

Внезапно они остановились на полдороге.

– Здесь ничего нет, кроме ящиков с рыбой, – проворчал один из бандитов.

– Кто с ней был? – рявкнул второй.

– Мальчик! Какой-то мальчик! Я не знаю...

Снова я услышал глухой звук удара, и человек, которого они держали, застонал от боли.

– Отпусти его, Боуэрс. От него никакого толку.

Рабочего грубо отшвырнули прочь. Он споткнулся, рухнул на землю, но быстро поднялся и побежал прочь.

– Мы слишком долго здесь возились, и все зря, – заговорил первый человек. – Девка, наверное, давно сбежала. Вместе с этими подонками, которые ее забрали.

– Думаешь, они сумели найти вход в петлю Фанг Ва? – спросил третий.

– Может, и так, – бросил первый головорез. – Я возьму с собой Мелница и Джейкобса, и мы это проверим. Боуэрс, обыщи здесь все как следует.

По голосам я пытался определить, сколько их: теперь их было четверо, может, даже пятеро. Тот, которого называли Боуэрс, прошел совсем рядом с нами; его кобура находилась на уровне наших лиц. Не шевелясь, я поднял взгляд. Он был широкоплечим, мускулистым; на нем был темный костюм.

– Лео нас убьет, если мы ее не найдем, – пробормотал Боуэрс.

– Мы притащим ему дохлую тварь, – возразил второй человек. – Такая добыча тоже кое-чего стоит.

Я застыл от изумления и напряг слух. *Дохлая тварь?*

– Тварь была уже мертва, когда мы ее нашли, – заметил Боуэрс.

– Лео об этом знать не обязательно, – рассмеялся первый бандит.

– Я бы многое дал за возможность прикончить эту мерзость собственными руками, – буркнул Боуэрс.

Он дошел до конца тупика, остановился справа от нас и снова развернулся к нам лицом. Луч его фонарика промелькнул над нашим укрытием, потом уперся в аквариум, находившийся рядом с моей головой.

– Иди попиная труп, если тебе от этого полегчает, – предложил третий.

– К черту. Но вот кому я не прочь наподдать, так это паршивой девчонке, – прорычал Боуэрс. – И не только наподдать. – Он пошел к остальным. – Видели, как она помогала твари?

Первый из бандитов возразил:

– Она же просто дикая. Еще ничего не знает.

– Вот именно, просто дикая! – воскликнул второй. – До сих пор не могу понять, зачем мы тратим на нее столько времени. Просто для того, чтобы в нашем клане стало одной странной девчонкой больше?

– Затем, что Лео ничего не прощает и не забывает, – сказал первый человек.

Я почувствовал, как Нур вздрогнула и поежилась, затем сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

– Оставьте меня с ней на часок в запертой комнате, – прорычал Боуэрс, – и я ей покажу, что к чему. Сразу перестанет быть дикой.

Он приблизился вплотную к нашему убежищу, медленно повернулся вокруг своей оси, светя фонариком на стены и пол. Мой взгляд остановился на его кобуре. Луч фонарика описал дугу по стеклу аквариума, замер слева от нас, затем уперся прямо в сгусток тьмы. Луч «обрывался» в нескольких дюймах от наших лиц, будучи не в состоянии пронзить тьму Нур.

Я затаил дыхание, взмолившись про себя о том, чтобы мы оба оставались внутри облака тьмы, чтобы ни один волос не показался наружу. На лице Боуэрса появилось странное выражение, как будто он пытался мысленно решить некий вопрос.

– Боуэрс! – крикнул кто-то из соседнего коридора.

Бандит обернулся, но луч его фонарика по-прежнему был направлен на нас.

– Когда закончишь здесь, встретимся у выхода. Мы проверим петлю Фанга и осмотрим три соседних квартала.

– Прихвати парочку крабов пожирнее! – крикнул второй человек. – Принесем их Лео на ужин. Может, это поднимет ему настроение.

Луч фонарика снова уперся в стекло аквариума.

– Не понимаю, как люди могут есть такую гадость, – проворчал Боуэрс, обращаясь к себе самому. – Какие-то водяные пауки.

Все ушли. Мы остались наедине с подручным Лео. Он стоял в пяти футах от нас и, с гримасой отвращения, разглядывал аквариум с крабами. Через пару секунд, сняв пиджак, он начал закатывать рукава рубашки. Нам оставалось подождать, и через несколько минут...

Нур стиснула мой локоть. Она дрожала всем телом.

Сначала я подумал, что это последствия стресса, но когда она сделала несколько быстрых вдохов, я сообразил, в чем дело: она из последних сил сдерживается, чтобы не чихнуть.

– Пожалуйста, – одними губами произнес я, хотя она не могла меня видеть. – Не делай этого.

Бандит ловко сунул мускулистую руку в ближайший резервуар. Шаря в воде в поисках краба, Боуэрс, судя по издаваемым звукам, пытался справиться с подступающей тошнотой.

Нур напряглась. Я буквально слышал, как она скрежест зубами, подавляя мучительное желание чихнуть.

Человек взвизгнул, резко выдернул руку из аквариума. Выругался и принялся яростно размахивать кистью – в его палец крепко вцепился клешней большой голубой краб.

А потом Нур поднялась на ноги.

– Эй, засранец, – произнесла она.

Громила резко обернулся. Прежде чем он успел издать хотя бы один звук, Нур чихнула.

Эффект был подобен взрыву гранаты: весь свет, который она проглотила, вылетел у нее изо рта, ударил в противоположную стену и пол, озарил лицо человека ярко-зеленым свечением, окутал его сияющим шаром. Свет был недостаточно ярким, чтобы ослепить врага, и не мог его обжечь, но зеленого луча оказалось достаточно, чтобы бандит на мгновение растерялся. От изумления он разинул рот, его губы образовали забавный овал.

Небольшой темный сгусток, окружавший нас, мгновенно исчез. Человек заорал, и мы замерли на месте как загипнотизированные: я так и сидел на корточках на полу, а Нур стояла рядом, закрывая рукой нос и рот. Наш противник застыл, подняв руку, с которой свисал державшийся краб. А затем я вскочил на ноги, и чары рассеялись. Боуэрс двинулся в нашу сторону, свободной рукой доставая из кобуры оружие.

Я бросился на него и успел сбить с ног прежде, чем он сумел выстрелить. Противник повалился на спину, и я рухнул на него. Мы боролись за пистолет. Я получил локтем прямо в лоб, и перед глазами замелькали звезды. Нур подскочила сзади и с силой ударила врага по плечу найденным поблизости металлическим прутот. Тот даже не дернулся. Он уперся мне в грудь обеими руками и отшвырнул меня в сторону.

Я поднялся и бросился к Нур, чтобы заслонить ее, оттолкнуть, защитить от пуль. Едва я успел приблизиться к ней, как бандит дважды выстрелил. Звуки выстрелов оказались невероятно громкими – это был даже не грохот, а мощная ударная волна. Первая пуля срикошетила от стены. Вторая вдребезги разнесла аквариум, стоявший рядом с бандитом, и резервуар мгновенно разлетелся на куски. Под ноги нам хлынула вода, на пол посыпались крабы, во все стороны полетели острые осколки стекла, а затем штабель резервуаров накренился к противоположной стене. Верхний ящик разбился, коснувшись «колонны» аквариумов, возведенной напротив; остальные посыпались на Боуэрса. Наверное, на бандита одновременно обрушилась сотня галлонов воды, и весило все это вместе с железками и крабами не меньше тонны. Всего три секунды, и наполовину захлебнувшаяся жертва оказалась погребенной под грудой битого стекла.

«Цепная реакция» продолжалась: аквариумы, загромаждавшие коридор, падали на пол с чудовищным грохотом и звоном, во все стороны летели осколки, сверху сыпались освобожденные крабы, гигантская волна зловонной воды хлынула по коридору и сбила нас обоих с ног.

Мы кашляли и отплевывались: тухлая вода была отвратительна. Я обернулся к Боуэрсу и поморщился. Его лицо превратилось в кровавую кашу, по-прежнему сияющую зеленоватым

светом. Тело облепили копошившиеся крабы, он был мертв. Я быстро отвернулся и пробрался через груды обломков к Нур, которую волной унесло к выходу из тупика.

– Ты в порядке? – спросил я, помогая ей подняться на ноги и осматривая, чтобы понять, не порезалась ли она.

Она оглядела себя в полумраке.

– Руки-ноги вроде на месте. А ты как?

– Нормально, – ответил я. – Нам лучше убраться отсюда. Сейчас прибегут остальные.

– Этот звон, наверное, в Нью-Джерси был слышен.

Мы взялись за руки и, поддерживая друг друга, двинулись так быстро, как только могли, к выходу из злосчастного коридора. На стене жужжала и мигала неоновая вывеска в форме краба.

Не прошли мы и десяти футов, как услышали тяжелый топот. Ошибки быть не могло: бегущие направлялись в нашу сторону. Мы замерли как вкопанные. Два человека, а может, и больше, неслись к нам сломя голову. Да, они слышали звон, это точно.

– Бежим! – воскликнула Нур и хотела увлечь меня вперед.

– Нет... – я не тронулся с места, прижался к стене. – Они слишком близко.

Враги могли появиться в любую минуту, а до выхода из тупика было еще далеко, и путь нам преграждали остовы разбитых аквариумов. Я знал: нам ни за что не успеть.

– Мы должны снова спрятаться.

– Мы должны *драться*, – возразила она, собирая в руки остатки света, но остатков этих было немного.

Драться – это было и моим первым побуждением, но я знал, что не прав.

– Они начнут стрелять, а я не могу допустить, чтобы тебя ранили или убили. Я сдамся и скажу, что мы разделились и ты убежала, куда – не знаю.

Нур тряхнула головой.

– Никогда и ни за что, дьявол меня побери! – Даже в темноте я увидел, как сверкнули ее глаза. Она позволила рассеяться крошечным шарикам света, которые ей удалось «наскрести», и подняла с пола два длинных острых осколка. – Мы будем сражаться вместе или не будем сражаться вообще.

Я раздраженно фыркнул.

– Значит, будем сражаться.

Мы пригнулись, выставив перед собой осколки, словно кинжалы. Топот приближался, бегущие были совсем рядом. Мы слышали их тяжелое дыхание.

Едва успев избавиться от бандита, мы снова очутились в ловушке.

Какая-то фигура возникла у входа в коридор; очертания ее вырисовывались на фоне неоновой вывески. Крепко сложенная, широкоплечая фигура... и смутно знакомая, хотя я не сразу догадался, кто это.

– Мастер Джейкоб? – раздался голос, который я, разумеется, сразу же узнал. – Это ты?

Тусклый мерцающий свет озарил ее лицо. Ее широкое лицо, квадратную челюсть, добрые глаза. На миг мне показалось, будто я вижу сон.

– Бронвин? – произнес... нет, закричал я.

– Это и *правда* ты! – воскликнула она, и губы ее растянулись в широкой улыбке. Она побежала ко мне, ловко перепрыгивая через груды битого стекла. Я выронил свое «оружие» за секунду до того, как Бронвин стиснула меня в могучих объятиях, от которых перехватывало дыхание. – А это мисс Нур? – продолжала она, не отрываясь от меня.

– Привет, – пробормотала Нур с несколько ошарашенным выражением лица.

– Значит, у тебя все получилось! – рассмеялась Бронвин. – Я так рада!

– А ты что здесь делаешь? – пискнул я.

– То же самое мы могли бы спросить у тебя! – раздался другой знакомый голос, и как только Бронвин отпустила меня, я увидел приближавшегося Хью. – Чтоб мне провалиться! Что у вас тут происходит?

Сначала Бронвин, теперь Хью. У меня голова шла кругом. Бронвин поддержала меня, чтобы я не упал.

– Какая разница? С ним все в порядке, Хью! А это мисс Нур.

– Привет, – повторила Нур и быстро добавила: – Знаете, тут такое дело... За нами гонятся четыре бандита с пушками, сейчас они будут здесь.

– Двое уже получили от меня по башке, – сказала Бронвин, поднимая руку с двумя оттопыренными пальцами.

– А двух оставшихся я прогнал с помощью пчел, – добавил Хью.

– За ними явятся другие, – вздохнул я.

Бронвин подобрала с пола какой-то предмет вроде железного лома, который я вряд ли сумел бы удержать в руках.

– Тогда не будем здесь задерживаться, согласны?

Подземный рынок морепродуктов представлял собой невероятно запутанный лабиринт. Мы пытались разобраться в бесконечных поворотах и коридорах и одновременно вспомнить, как мы очутились там, внизу, и какой иероглиф на китайском означает «выход». Рынок оказался огромным, но тесным, до отказа забит ящиками и прилавками, разделен свисавшими кусками брезента и электрическими проводами угрожающего вида. Над головами покачивались голые электрические лампочки. Полчаса назад здесь сновали толпы народа, но парни Лео почти всех разогнали.

– Постарайтесь не отставать! – крикнула нам Бронвин через плечо.

Мы скользнули вслед за ней под прилавок, на котором извивались живые осьминоги, затем побежали по проходу между столами с рыбой, лежавшей в ящиках с дымящимся сухим льдом. Повернув налево на «перекрестке» с другим торговым рядом, мы заметили двух подручных Лео – один распростерся навзничь на полу, второй пытался привести сообщника в чувство с помощью пощечин. Бронвин даже не замедлила шага, и в тот миг, когда человек в изумлении поднял на нее взгляд, она прямо на бегу ударила его ногой в висок. Бандит растянулся рядом со своим товарищем.

– Мне очень жаль! – крикнула Бронвин, обернувшись. Вместо ответа до нас донеслись угрожающие вопли: еще двое громил Лео рванули к нам. Мы снова свернули, взбежали вверх по узкой лестнице, распахнули какую-то дверь и вывалились навстречу дневному свету. После долгих часов, проведенных в полумраке, свет на несколько мгновений ослепил нас. Внезапно мы очутились в настоящем – в Нью-Йорке, среди людей, спешивших по тротуару. В самый разгар часа пик. Нас окружали бесчисленные пешеходы, машины, уличные торговцы, и от этого мельтешения у меня закружилась голова.

Спасаться бегством незаметно для окружающих – это целое искусство. Не так уж легко бежать от убийц, не вызывая при этом любопытства и удивления у прохожих. Нам нужно было прикинуться, что мы заняты совершенно безобидным делом – вечерней пробежкой, в то время как двое из нас были с ног до головы мокрыми, двое одеты по моде девятнадцатого века, и все мы постоянно озирались и в тревоге шарахались от темных переулков и подворотен. Судя по всему, притворяться у нас получалось не очень хорошо, потому что на нас было устремлено гораздо больше взглядов, чем на обычных мокрых подростков в карнавальных костюмах, особенно в Нью-Йорке. Ведь на здешних улицах полно самой странной публики.

Мы перебежали проезжую часть, не обращая внимания на красный свет и знаки «Стойте», создавали заторы на дорогах, иногда бросались прямо под машины, которые яростно сигнализировали или резко сворачивали в сторону, – нам казалось, что лучше попасть под машину, чем

снова оказаться в плену, в петле Лео. Но его подручные прицепились к нам, словно хронический насморк: они преследовали нас по загроможденным лотками улицам Чайна-тауна, по Маленькой Италии, забитой туристами, и едва не настигли нас, когда мы застряли на разделительной полосе оживленной Хаустон-стрит. В своих несовременных костюмах они выделялись в уличной толпе. Наконец, когда я уже почти выбился из сил, Нур прибавила ходу, поравнялась с Бронвин и затащила ее куда-то за угол. Мы с Хью последовали за девчонками, и через несколько минут Нур снова увлекла Бронвин в сторону, на сей раз в дверь ничем не примечательного магазинчика. Это была скромная, довольно тесная лавчонка, где торговали пивом, чипсами, шоколадками и прочей ерундой.

Хозяин разразился возмущенными воплями, а мы в этот момент увидели двух парней Лео, которые, не останавливаясь, пробежали мимо входа в магазин. Нур подтолкнула нас вперед по узкому проходу между полками, мы вломились в подсобку, напугали продавщицу, которая вышла покурить, и, распахнув двойные металлические двери, выбежали в переулок, загроможденный мусорными баками.

Нам показалось, что мы оторвались от преследователей – хотя бы на несколько минут, поэтому мы позволили себе остановиться на минутку и отдышаться. Бронвин даже не вспотела, но мы с Нур и Хью совсем запыхались.

– Быстро соображаешь, – заметила Бронвин, на которую маневр Нур произвел впечатление.

– Ага, – прохрипел Хью. – Было круто.

– Спасибо, – отозвалась Нур. – У меня это не первое родео.

– Мне кажется, некоторое время мы здесь будем в безопасности, – по-прежнему тяжело дыша, выговорил Хью. – Подождем в укрытии, пусть они думают, что мы ушли в петлю. Потом пойдем дальше.

– Наверное, нужно спросить, куда ты собираешься нас отвести, – сказал я.

– Мне бы очень, *очень* хотелось это узнать, – произнесла Нур, подняв бровь.

– Обратно в Акр, – ответил Хью. – Вход в ближайшую петлю – место не из приятных, зато это недалеко...

Я не сводил глаз со своих друзей. Ведь в глубине души я уже боялся, что никогда больше их не увижу. А если мы и встретимся, думал я, то они будут вести себя со мной как чужие.

В этот момент Хью с размаху стукнул меня кулаком по плечу.

– Ой! Ты что, с ума сошел? – воскликнул я.

– Почему ты не рассказал нам о своей безумной спасательной операции?

Нур смотрела на нас обоих, открыв рот.

– Я *пытался*, – промямлил я.

– Как-то вяло ты пытался, вот что я скажу! – заявила Бронвин.

– Вообще-то, я несколько раз вам довольно прозрачно на это намекал, – защищался я. – Но потом мне стало ясно, что никто из вас не желает мне помогать.

После этих слов мне показалось, что Хью снова мне врежет.

– Мало ли что тебе показалось! Мы бы обязательно тебе помогли!

– Мы бы ни за что не позволили тебе ввязаться во что-то подобное в одиночку, – поддерживала его Бронвин, и впервые со дня нашего знакомства я услышал гнев в ее словах, обращенных ко мне. – Мы с ума чуть не сошли от волнения, когда узнали, что тебя нет! – Она обернулась к Нур и покачала головой. – Этот сумасшедший мальчишка только вчера лежал на больничной койке. Мы думали, что кто-то похитил его, пока он спал!

– Честно говоря, я не думал, что вы заметите мое исчезновение, – бросил я.

– Джейкоб! – Бронвин широко распахнула глаза. – И это после всего, что мы пережили вместе? Знаешь, это было очень грубо.

– А я тебе говорил, что он обидчив, как девчонка. – Хью потрянул головой. – Неужели ты совсем не доверяешь старым друзьям, парень? С ума сойти.

– Простите, – пролепетал я.

– Повторяю: ты *во всем и всегда* можешь на нас положиться.

Нур наклонилась ко мне и прошептала:

– Значит, у тебя нет друзей, вот как?

– Я правда не знаю, что сказать. – Внезапно мое сердце переполнилось самыми противоречивыми чувствами. На мгновение я даже лишился дара речи. – Я так рад видеть вас, ребята, ужасно рад.

– А мы рады видеть тебя, – подхватила Бронвин. Она обняла меня снова, и на этот раз Хью присоединился к ней.

В следующую секунду в конце переулкa прогремел выстрел, и мы все вздрогнули. Отстранившись от Бронвин, я увидел двух мужчин в костюмах, бежавших к нам со всех ног.

Вот тебе и «оторвались от хвоста».

– Давайте за мной, – решительно заговорила Нур. – Мы сможем отвязаться от них в метро.

Я спускался в подземку, перепрыгивая через три ступеньки. Хью съехал вниз по металлическим перилам. В вестибюле было полно народу, и нам пришлось бесцеремонно расталкивать людей, спешивших с работы домой. Нур, не оборачиваясь, крикнула нам:

– Делайте как я! – и перепрыгнула через турникет.

Мы последовали ее примеру.

Спустившись на платформу, мы побежали в ее дальний конец. Я оглянулся и увидел бандитов Лео – они отстали, но не потеряли нас из виду. Нур остановилась, присела на корточки, оперлась рукой о край платформы и спрыгнула на пути, приказав нам сделать то же самое. Еще она крикнула что-то про контактный рельс, но я не расслышал, потому что в это время включили объявление по громкой связи.

Выбора у нас не было, пришлось прыгать с платформы.

– Вам что, жить надоело? – заорал какой-то пассажир, и я бы согласился с ним; но в тот момент даже смерть казалась лучше тюремного заключения у Лео.

Мы помчались через пути – четыре ряда рельсов. Мы проваливались в невидимые в полутьме ямы, спотыкались о рельсы, покрытые черной пылью. Мне вдруг пришло в голову, что Нур, очевидно, уже приходилось спасаться от преследователей и в городском лабиринте, и в метро, что она знала Нью-Йорк как свои пять пальцев и что у девушки, которую так непросто поймать, наверняка богатый опыт побегов. И я подумал: интересно, от кого и почему она убегала? Заметив приближающийся поезд, я мысленно взмолился о том, чтобы у меня когда-нибудь появилась возможность расспросить ее.

Поезд въехал на станцию. Когда мы с Хью перепрыгивали через последние рельсы, грохот оглушил меня, и нас обоих едва не унесло мощным потоком теплого воздуха. В следующий миг Бронвин и Нур втащили нас на платформу. Поезд пронесся мимо, стуча колесами и скрежеща тормозами, подобно безжалостному адскому чудовищу.

Двери зашипели и извергли на платформу толпу пассажиров, на платформе стало яблоку негде упасть, но мы в конце концов сумели втиснуться в вагон. Мы пригнулись, чтобы нас не было видно снаружи – вагон был почти пуст, – и двери захлопнулись.

– Фу-у! – выдохнула Бронвин, и вдруг на лице ее появилось озабоченное выражение. – Надеюсь, этот поезд едет в нужную сторону...

Нур спросила, куда нам надо попасть, Бронвин объяснила. Нур подняла брови.

– Как ни странно, нам повезло, – сказала она. – Выходим на следующей остановке.

Я не переставал удивляться самообладанию Нур. Из нас четверых ей меньше всего было известно о том, что происходит, но благодаря спокойствию и уверенности в себе она уже почти стала вожаком нашей группы.

Из динамиков раздался оглушительный рев диктора, и поезд тронулся.

– Как вы меня нашли? – обратился я к Бронвин и Хью.

– Эмма сообразила, что у тебя на уме, вспомнив все твои разговоры о ней. – Хью кивнул Нур и продолжал: – Очень приятно, наконец, познакомиться как полагается. Меня зовут Хью... – Он протянул руку, и Нур ее пожала.

– Ну, а потом уже найти тебя оказалось не сложно, – заметила Бронвин. – О! Кроме того, нам немного помогла собака. Помнишь Эддисона?

Я кивнул.

– Шестерки Харона выяснили, что ты направился в Нью-Йорк, а Эддисон благодаря своему удивительному нюху привел нас на рыбный рынок, – рассказывал Хью. – Но идти внутрь отказался.

«Благослови бог этого маленького песика», – подумал я. Я уже и не помнил, сколько раз он рисковал жизнью ради нас.

– Дальше было совсем легко, – сказала Бронвин. – Нам оставалось только идти на крики.

– Вас прислала мисс Сапсан? – спросил я.

– Нет, – ответил Хью. – Обо всем этом она ничего не знает.

– Думаю, *сейчас* уже знает, – возразила Бронвин. – У нее просто талант обо всем узнавать.

– Мы решили, что, если исчезнет больше двух человек, это привлечет к нам лишнее внимание.

– Мы тянули жребий, – говорила Бронвин. – Мы с Хью выиграли. – Она бросила быстрый взгляд на Хью. – Как считаешь, мисс Эс будет очень злиться на нас?

Хью несколько раз энергично кивнул.

– Да у нее пар из ушей пойдет. Но с другой стороны, она будет гордиться нами. Если, конечно, мы сумеем вернуть его домой целым и невредимым.

– Домой? – повторила Нур. – А где это?

– Это временная петля, расположенная в Лондоне конца девятнадцатого века, в местечке под названием Дьявольский Акр, – сообщил Хью. – По крайней мере, это ближе всего к нашему представлению о доме.

Нур нахмурилась.

– Звучит... восхитительно.

– Там, конечно, не слишком уютно, но у деревни есть свое очарование. В любом случае это лучше, чем непрерывные переезды.

На лице Нур отразилось сомнение.

– И там живут такие люди, как вы?

– Такие, как *мы с тобой*, – поправил я ее.

Она никак на это не отреагировала или только постаралась казаться бесстрастной, но я заметил, как сверкнули ее глаза. Возможно, она начинала постепенно осваиваться с этой мыслью. *Такие, как мы с тобой*.

– Там ты будешь в безопасности, – уверяла ее Бронвин. – За тобой никто не будет гоняться с пистолетами... никаких вертолетов...

Я хотел было согласиться с этим, но вдруг вспомнил предупреждение Эйча насчет имбрин. Вспомнились мне и слова, услышанные от мисс Сапсан во время нашего последнего разговора, – о жертвах, которые иногда приходится приносить ради общего блага. И Нур предстояло стать одной из таких жертв.

– А как же насчет указаний Эйча, которые мы с тобой должны были выполнить? – обратилась ко мне Нур.

Она слегка понизила голос: судя по всему, она не была уверена в том, что Бронвин и Хью знают о пророчестве или что им следует о нем знать.

– Насчет каких указаний? – спросил Хью.

Я вздохнул.

– Перед смертью Эйч успел сообщить мне кое-какую информацию насчет Нур и людей, которые ее отслеживают. И еще он сказал, что нам необходимо найти женщину по имени Ви. Есть нечто очень важное, известное только ей.

– Ви? Это та самая охотница на пустот, которую обучал твой дед? – спросила Бронвин.

Бронвин была с нами в петле прорицателей в тот день, когда впервые было упомянуто имя Ви. Конечно же она его запомнила.

– Она самая, – подтвердил я. – И Эйч... Ну, то есть его ручная пустота... показала нам карту и подсказала, как найти эту женщину...

– Его *ручная пустота*? – ахнула Бронвин.

Я вытащил из кармана обрывок карты и показал друзьям.

– Это уже была не пустота. Существо превращалось в кого-то другого.

– Ты хочешь сказать, в тварь? – вставил Хью. – Потому что пустоты способны *превращаться* исключительно в тварей.

Нур бросила на меня взгляд, полный смятения.

– Ты говорил, что твари – наши враги.

– Так оно и есть, – сказал я. – Но Эйч и эта пустота были друзьями...

– Час от часу не легче. Я совершенно перестаю понимать, что происходит, – фыркнула Нур.

– Я знаю. Вот почему я думаю, что нам следует отправиться вместе с ними в Дьявольский Акр, – сказал я. – Нам нужна помощь, а все странные, которых я хорошо знаю и которым могу доверять, находятся там.

Будут ли они снова доверять мне и захотят ли помочь после всего, что им пришлось испытать по моей вине, – это уже другой вопрос. Но я обязан был попытаться. Я нуждался в своих друзьях. К черту предупреждения Эйча, решил я.

Если мисс Сапсан действительно способна отослать обратно в лапы тюремщиков девочку, которую мы только что спасли, из политических соображений – да *из каких угодно* соображений – значит, она больше не та мисс Сапсан, которую я знал. А если я не смогу обеспечить безопасность Нур в петле, где живут все мои друзья, то как я смогу помочь ей в путешествии по странной Америке, полной неизвестных опасностей?

– Миллард у нас специалист по картографии, – сообщила Бронвин.

– А Гораций – по пророчествам, – добавил я. – В некоторой степени.

– Ага, – протянула Нур и посмотрела на меня. – Ты так и не закончил свой рассказ.

Пророчество. Я хотел поговорить с ней об этом наедине, чтобы больше никто нас не слышал. Мне показалось, что в ближайшее время опасность нам не угрожает, и я пробормотал:

– С этим можно подождать.

Хью и Бронвин с интересом посмотрели на меня.

– Как скажешь, – ответила Нур, но в ее голосе прозвучало нетерпение и раздражение.

Поезд замедлял ход. Мы приближались к следующей станции.

Поднявшись по лестнице, мы снова оказались на улице, залитой солнечным светом. Нур остановилась на минуту, чтобы помочь Бронвин сориентироваться.

– Уже немного осталось, – пообещала Бронвин, увлекая нас по диагонали через проезжую часть с четырехполосным движением. Водители возмущенно сигналили.

Мы прошли через баскетбольную площадку, где вовсю шла игра, миновали унылый пыльный скверик в тени двух облезлых многоквартирных домов. Мы оставляли позади один

квартал за другим, и городской пейзаж становился все мрачнее. Все вокруг было старое, запущенное, ржавое и облупившееся. Наконец, мы очутились перед высоким зданием, окруженным строительными лесами и забором из металлической сетки. Сетка была завешена брезентом; Бронвин подняла его край, и мы увидели дыру в заборе. Мы с Нур неуверенно переглянулись.

Бронвин и Хью сделали нам знак следовать за собой и исчезли в дыре.

Через пару секунд Хью высунул голову.

– Вы идете или нет?

Нур на мгновение зажмурилась – видимо, пытаясь прогнать какую-то назойливую мысль, вроде «Какого черта я сейчас делаю?» – и пролезла в дыру. Наверное, она бы мне не поверила, но мне часто приходилось вести такую же душевную борьбу. Некий внутренний голос вопил: *«Какого черта ты сейчас делаешь?»* почти ежедневно с того дня, как я, повинаясь интуиции, отправился в Уэльс на охоту за призраками со старинных фотографий. Со временем я научился игнорировать этот голос, и теперь он звучал значительно тише. Но до сих пор не умолк.

По другую сторону забора обнаружился совершенно иной мир – гораздо мрачнее и печальнее, чем тот, который мы оставили позади. Шагнув в него, я испытал странное чувство – как будто сорвал саван с мертвеца. Здание было выстроено и отделано много лет назад, а потом заброшено. Я остановился на лужайке, заросшей высокими сорняками, и позволил себе помедлить, чтобы проникнуться этим зрелищем: высокое и длинное десятиэтажное здание, занимавшее целый квартал, окна с давно выбитыми стеклами в свинцовых переплетах, выщербленные кирпичи с похожими на вены отпечатками засохшего плюща. Величественные ступени вели к дверному проему, обрамленному причудливыми завитушками из кованого железа. Над входом красовалась массивная мраморная плита с надписью: «Психиатрическая больница».

– Подходящее местечко, – едва слышно произнесла Нур. – Потому что мне кажется, что я схожу с ума.

– Ничего подобного. – Я долго ждал момента, когда она осознает реальность того, что с ней происходит. – Я понимаю, что ты чувствуешь, но уверяю тебя, это вовсе не безумие.

Бронвин и Хью ушли вперед шагов на двадцать и нетерпеливо махали нам, призывая поторопиться.

Нур не смотрела на меня.

– Я под наркотой. Наелась галлюциногенных грибов. Я в коме. Все это просто сон. – Она потерла лицо руками. – В любом подобном объяснении больше смысла, чем...

Я перебил ее:

– Доказать, что это не сон, я не могу. Но поверь, я знаю, что ты чувствуешь.

Бронвин уже бежала обратно, беззвучно повторяя: «Пошли, пошли, пошли».

Металлическая сетка у нас за спиной зазвенела, кто-то выругался. Раздался другой голос:

– Я знаю, что где-то в этом заборе есть дыра.

Его спутник что-то проворчал в ответ. Это были люди Лео. Они все-таки выследили нас.

Если Нур и собиралась бросить нас, то звон стальной проволоки заставил ее передумать. Мы побежали за Бронвин и Хью, продираясь через густую траву, вверх по ступеням, мимо табличек с надписями, на которые я взглянул лишь мельком, но успел разобрать: «Под снос» и «Вход воспрещен». Дверной проем был когда-то заколочен досками, но теперь они были сломаны. Острые щепки и гнутые гвозди цеплялись за нашу одежду, словно зубы, когда мы протискивались внутрь – чтобы снова очутиться в месте, из которого почти невозможно бежать.

В здании было так темно, вокруг валялось столько мусора, что бежать мы не могли: боялись напороться на острые прутья и осколки или провалиться в какую-нибудь дыру в полу. Поэтому мы передвигались боком, словно крабы, делая широкие шаги и шаря перед собой руками, стараясь не отставать от Хью и Бронвин. В отличие от нас с Нур моим друзьям это место было знакомо. Снаружи, со двора, доносился топот парней Лео: вот они продрались

сквозь сетку, взбежали на крыльцо. Бронвин забаррикадировала отверстие, через которое мы проникли в здание, придвинув к порогу старый холодильник – судя по всему, его оставили у стены именно для этой цели. Но мы понимали, что холодильник задержит бандитов ненадолго.

Мы ввалились в просторную комнату; сквозь наполовину заколоченные окна с грязными потеками на стекле едва пробивался дневной свет, но мы наконец смогли осмотреться. Повсюду виднелись сломанные инвалидные кресла и ржавое медицинское оборудование устрашающего вида. Под ногами, от одной стены до другой, плескалось целое озеро гнилой воды.

Нур мурлыкала что-то себе под нос. Я покосился на нее, и она замолчала.

– Это у меня нервное, – сказала она.

Я кое-как перебрался через участок провалившегося пола, затем протянул ей руку.

– А что здесь может тебя нервировать? – грустно улыбнулся я.

Она оперлась на мою руку и прыгнула. Моя шутка ее не рассмешила.

– Пожалуйста, скажи, что в этой больнице есть черный ход.

– Здесь найдется кое-что получше, – заметил Хью, оглянувшись. – Дверь в Панпитликум.

Прежде чем Нур успела ответить, раздался зловещий и совершенно неуместный в заброшенном здании звук, от которого у меня мороз по коже пробежал: унылое, нестройное бряканье, лишь весьма отдаленно напоминавшее музыку. Обойдя кучу заплесневелых желтых матрасов, мы увидели источник звука – разломанное пианино. Кто-то опрокинул его, и оно загораживало единственный выход из комнаты, за которым виднелся коридор с множеством дверей. Струны были извлечены из инструмента и прикреплены к стене вокруг выхода – все это было похоже на лес металлических волос, вставших дыбом. Чтобы выбраться из комнаты, необходимо было перелезть через пианино и протиснуться между струнами. Кто-то только что именно это и сделал, породив чудовищные звуки, которые мы слышали. А это означало, что этот «кто-то» покинул помещение – или же, наоборот, вышел к нам.

И в этот момент из-за перевернутого инкубатора для новорожденных, валявшегося неподалеку, поднялась какая-то фигура.

– А, это вы.

Его лицо было покрыто настолько густыми волосами, что их можно было назвать только шерстью. Он одарил нас дурацкой кривой ухмылкой.

Это был Песья Морда.

– Уже вернулись? Так быстро? – обратился он к Бронвин и Хью.

– Ага, но задерживаться здесь нам нельзя, – ответила Бронвин.

– Нужно выбираться, и немедленно, – добавил Хью.

Песья Морда облокотился о пианино.

– Плата за выход – две сотни.

– Когда мы расплачивались, ты сказал, что это за билет туда и обратно! – возмутился Хью.

– Должно быть, ты ослышался. Помню, вы ужасно спешили, когда я называл вам наши цены...

Мы слышали приглушенную брань, затем скрежет металла о камень. Враги отодвигали холодильник.

Песья Морда наклонил голову и прислушался.

– Что это было? Вы ведь не нажили там неприятностей, правда?

– Неправда, – сердито ответил я. – За нами погоня.

– О нет, – ответил мальчишка, цокая языком. – Это обойдется вам в дополнительную сумму. Нам ведь придется перехитрить их, замести ваши следы... Кстати, неужели это гориллы Лео Бернема? Голоса у них злующие.

– Ладно! Говори, сколько, мы заплатим! – рявкнула Бронвин.

Нам ужасно хотелось отшвырнуть жулика прочь с дороги, но мы знали, что при желании он может доставить нам много неприятностей.

– Пятьсот, – объявил Песья Морда.

Снова послышался скрежет, на этот раз более громкий. Холодильник поддавался.

– У меня всего четыре с собой, – пробормотал Хью, шаря в кармане.

– Очень плохо. – И Песья Морда отвернулся, собираясь уходить.

– Мы завтра тебе заплатим! – крикнула Бронвин.

Песья Морда обернулся.

– Завтра это будет уже семь сотен.

Раздался грохот и треск дерева. Бандиты вломились в психушку.

– Ладно, хорошо! – воскликнул Хью, из его рта вылетела сердитая пчела.

– И учтите, оплату не задерживать. Мне бы очень не хотелось показывать им ваш маленький потайной ход.

Мои друзья отдали прохвосту все, что у них было. Песья Морда тщательно пересчитывал деньги, секунды мучительно тянулись. Наконец, он сунул деньги в карман, залез на пианино, повернул какой-то рычаг, скрытый внутри, и беззвучно проскользнул между онемевшими струнами. Мы последовали за ним, и когда все оказались на той стороне, Песья Морда вернул рычаг в прежнее положение.

Тут я сообразил, что пианино служило своеобразной «сигнализацией».

Песья Морда повел нас к portalу. Мы спешили вслед за ним по длинному коридору. Теперь, после того как он нас практически ограбил, он чуть ли не бегом побежал. Коридор казался бесконечным.

Из какой-то двери появилась кучка странных; незнакомцы последовали за нами. Выглядели они весьма необычно даже по меркам странного мира, и когда Нур их разглядела, с ее губ сорвался сдавленный звук. Женщина без ног – или с невидимыми ногами, – плыла вслед за нами на подушке из воздуха, и полы длинного пальто развевались у нее за спиной.

– О, дорогуша, мы не сделаем тебе ничего плохого, – заговорила она нежным, мелодичным голосом. – Мы станем друзьями.

– Не знаю, как насчет друзей, – фыркнула девчонка, которая по меньшей мере наполовину была бородавочником. Из рта у нее торчали два клыка, вместо носа было рыло, как у кабана. – Но если хорошо заплатишь, мы не станем врагами.

Появилась еще одна безногая женщина; эта, судя по всему, не умела парить в воздухе, потому что передвигалась прыжками, отталкиваясь от пола руками. С кошачьей ловкостью она прыгнула в протянутые руки могучей девочки-бородавочника. Я смог лучше рассмотреть ее – у нее не было не только ног, но и бедер, талии и половины торса. Ее тело и черная шелковая блузка были аккуратно обрезаны на уровне пупка.

– Хэтти Половинка, – представилась она, помахав нам рукой. – А кто из вас та знаменитая дикая?

– Не называй ее так! – рявкнул подросток с огромным пульсирующим нарывом на шее. – Это обидное слово.

– Хорошо; «та, с которой не вступали в контакт».

– Это уже не подходит, – возразил Песья Морда. – Ей пришлось быстро учиться.

Девочка-бородавочник не то фыркнула, не то усмехнулась.

– Судя по ее лицу, недостаточно быстро!

Нур стиснула зубы. Казалось, что она идет из последних сил.

– Эти любопытные создания – Неприкасаемые, – объяснил Песья Морда тоном заправского гида. – Те, кого отказались принять в другие кланы.

– Слишком странные, чтобы сойти за нормальных, – вставила Хэтти.

– Самые жуткие, самые неопишуемые, самые отвратительные странные на всей планете! – с гордостью добавил парень с нарывом.

– Мне вы не кажетесь отвратительными, – заметила Бронвин.

– А ну, возьми свои слова обратно! – оскалилась девочка-бородавочник.

Песья Морда закружился на месте, словно танцор, и скользнул в открытую дверь.

– А это наша святая святых. Точнее, парадный вход.

Бронвин и Хью последовали за ним, а мы с Нур, едва успев перешагнуть порог, замерли в ужасе. Посреди комнаты стоял операционный стол, в дальней стене я разглядел дюжину дверей. Ящики-холодильники. Эта комната не просто тупик – это больничный морг.

– Все в порядке, – Бронвин заговорила с Нур мягко, но настойчиво. – С нами там ничего не случится.

– О нет! Черт побери, нет, – воскликнула Нур и попятилась. – Я ни за что не стану прятаться в такой штучке.

– Не прятаться, – поправил ее Хью. – А путешествовать.

– Ей это не нравится, – заметила девочка-бородавочник. – Она боится!

Неприкасаемые, столпившиеся в коридоре за дверью морга, захихикали.

Нур выбежала из морга и нырнула в открытую дверь, находившуюся напротив, – это была единственная альтернатива возвращению назад.

Бронвин и Хью хотели догнать ее, но я встал перед ними.

– Позвольте мне с ней поговорить, – попросил я.

Для того чтобы уговорить кого-нибудь, странного или нет, забраться в холодильник морга, требовалось умение убеждать, особенно если речь шла о новичке в странном мире. Мне и самому эта перспектива была не слишком по душе.

Я пробежал через коридор и следом за Нур вошел в комнату. В комнате стояла одинокая железная кровать без матраса, на нее падал луч света из зарешеченного окна. По углам были свалены старые личные вещи, которые, наверное, принадлежали людям, жившим и умершим в этом заведении. Чемоданы. Обувь.

Нур испуганно озиралась.

– Клянусь, где-то здесь я видела дверь. Когда мы пробежали мимо...

– Другого выхода нет, – возразил я.

И тогда я увидел ее, и сердце у меня упало.

– Ты имеешь в виду это?

Нур обернулась, чтобы посмотреть, и когда она разглядела то, что приняла за выход, мне показалось, что она разрыдается. Это была часть фрески – обман зрения, иллюзия, дверь, нарисованная на стене.

А потом мы услышали звяканье струн – один раз, два, три. Люди Лео пробрались сюда, к нам.

– У нас есть выбор, – сказал я. – Мы можем...

Она не слушала меня. Она пристально смотрела на окно, забранное решеткой, на солнце, светившее снаружи.

Я заговорил снова.

– Мы можем остаться здесь и ждать, когда они нас найдут...

Она резко взмахнула руками, но результат не впечатлял: тонкие полоски тьмы протянулись в воздухе вслед за ее пальцами и тут же исчезли. Мне уже приходилось видеть такое прежде. Некоторые способности странных функционируют как мускулы – силы могут истощиться, если ты устал или ослаб. Странные способности отказываются повиноваться человеку, если тот взволнован и напряжен.

Нур обернулась ко мне.

– Либо я могу довериться тебе.

– Да, – произнес я, напрягая всю силу воли, мысленно пытаясь заставить ее пойти со мной. – Мне и кучке чудаковатых личностей.

Люди Лео грохотали по коридору, обыскивали комнаты одну за другой, ломались в запертые двери.

– Это просто абсурд. – Нур покачала головой, затем встретила со мной взглядом, и я увидел в ее глазах какую-то новую решимость. – Мне не следовало бы доверять тебе. Но я тебе верю.

Она ведь смогла смириться с абсурдными событиями, в водоворот которых угодила всего пару дней назад, – что ей стоило принять еще одну сравнительно небольшую нелепость, если это могло нас спасти?

Бронвин и Хью ждали за дверью, по их лицам было видно, что они в панике.

– Ну, так вы готовы? – воскликнул Хью.

– Я бы на вашем месте поторопился, – заметил Песья Морда, заглядывая к нам. – Кстати, если нам ради вашего спасения придется двинуть кому-нибудь из них по башке, это будет стоить тысячу.

– Мисс Мусорный Бак может стереть им обоим память за две тысячи, – предложил парень с гигантским нарывом.

Мы метнулись через коридор в морг, и в этот момент бандиты нас засекли. Я не стал оглядываться, но слышал их топот и крики. Неприкасаемые куда-то исчезли – судя по всему, они не желали иметь дела с людьми Лео и наживать себе врагов без необходимости.

Очутившись в морге, я заметил, что дверца одного из холодильников для трупов открыта. Рядом с холодильником стоял Хью; он окликнул нас, жестом велел следовать за собой и нырнул в отверстие.

Мы подбежали к открытому холодильнику и, напрягая зрение, заглянули в его черное нутро. На самом деле это был не просто ящик для тела: узкий туннель тянулся куда-то вдаль и казался бесконечным. Из темноты донесся голос Хью, эхо его раскатилось по туннелю и быстро стихло.

– Э-э-эй! Ого-о-о!

Я отошел в сторону, пропуская Нур вперед.

– Это безумие, я просто сошла с ума, это полное *безумие*, – нараспев повторяла она, но затем сделала глубокий вдох, взяла себя в руки и полезла в черную дыру. Когда ее голова и верхняя часть тела оказались внутри, она застряла, и мне пришлось схватить ее за щиколотки и подтолкнуть вперед. Мгновение спустя злобный холодильник для трупов поглотил ее.

Я настоял, чтобы следующей в дыру полезла Бронвин, а потом настала моя очередь. Заставить себя забраться в холодильник оказалось труднее, чем я думал, особенно если вспомнить, что именно я убедил Нур отправиться навстречу неизвестности. Этот поступок – забраться в хранилище для трупов – казался мне совершенно абсурдным. Моему разуму потребовалось несколько секунд, чтобы подавить инстинкты, вопившие: «*нет, нет, нет, там тебя сожрут зомби, неееет!*» Но разум знал, что именно страшные, неизведанные, темные туннели чаще всего служат входами во временные петли. Злобные вопли вооруженных бандитов, распахнувших дверь морга, помогли мне принять решение, и прежде чем преследователи успели добраться до меня, я изловчился и забрался в ящик.

Кто-то схватил меня за ногу, но мне удалось стряхнуть врага. Позади послышались возня, шум борьбы, затем глухой удар и вскрик бандита. Быстро оглянувшись, я увидел, что один из ребят Лео валяется на полу, а за спиной у него стоит девочка-бородавочник с толстой доской в руках.

Я слышал, как Нур, сопя, ползет по туннелю на четвереньках, прочь от меня, все дальше и дальше во тьму. Я пополз следом, затем начал скользить без малейших усилий. Пол туннеля был чем-то смазан и шел вниз под небольшим уклоном; преодолев еще несколько футов, я поехал вниз. Мне пришла в голову странная мысль: наверное, то же самое ощущает младенец, появляясь на свет, только я двигался гораздо быстрее, и процесс занял намного больше вре-

мени. А потом я услышал пронзительный крик Нур. Я почувствовал, как меня проталкивают вперед – не чьи-то руки, но какая-то бесплотная сила, подобная силе тяготения, захватила все мое тело. Сердце забилося чаще, кровь зашумела в ушах, и в желудке что-то переворачивалось. Эти ощущения были мне хорошо знакомы.

Мы покидали обычный мир и входили во временную петлю.

Глава вторая

Мы вывалились из тесного чулана в длинный коридор Панпитликума Бентама, устланный красным ковром. Бронвин поднялась на ноги и поправляла одежду, когда появились мы с Нур. Хью ждал нас с нетерпением.

– Я уже решил, что вы передумали! – воскликнул он, когда Бронвин без малейшего труда подняла нас с Нур на ноги.

– Как вы думаете, они придут за нами? – спросил я, нервно оглядываясь на дверь.

– Насчет этого можешь не волноваться, – успокоила меня Бронвин. – Неприкасаемые сделают все, чтобы получить обещанные деньги.

Я повернулся к Нур.

– Как ты? – негромко спросил я, наклонившись к ее уху.

– Нормально, – быстро ответила она. Мне показалось, что она чем-то смущена. – Прошу прощения за истерику. – Она обращалась к нам троим, одновременно разглядывая шикарный коридор. – Это место определенно выглядит лучше, чем психбольница.

Хью сказал, что нам пора, но Нур перебила его.

– Прежде чем мы пойдем дальше и познакомимся с кем-то еще, я должна кое-что сказать. – Она обвела нас взглядом. – Спасибо вам всем за то, что помогли мне. Я вам очень благодарна.

– Не стоит благодарности, – ответил Хью слишком беспечным голосом.

Она нахмурилась.

– Я серьезно говорю.

– Мы тоже серьезно, – заметила Бронвин.

– Поблагодаришь, когда вернемся в дом, – сказал Хью. – Пошли быстрее отсюда, не то нас заметят прихвостни Харона и начнут задавать вопросы, на которые мне не хотелось бы отвечать.

– Точно, – подтвердила Бронвин.

Стараясь держаться как можно ближе друг к другу, мы быстро зашагали по коридору. Эта часть Панпитликума была относительно безлюдной, но когда мы преодолели несколько поворотов, навстречу все чаще стали попадаться путешественники. Странные, одетые в костюмы разных эпох и стилей, входили и выходили из дверей, ведущих в различные петли. У порога одной из дверей собралась кучка песка, нанесенного ветром; за другой дверью, у которой лежал кирпич, не позволявший ей захлопнуться, бушевала буря, и в коридор летели струи дождя. Люди выстроились в очереди вдоль стен и ждали, пока проверят их билеты и документы; чиновники за небольшими конторками ставили штампы в бумаги. Шум голосов, шаги, бесконечное шуршание бумаг делало это место похожим на вокзал в вечерний час пик.

Нур озиралась по сторонам, широко распахнув глаза; я услышал, как Бронвин, положив руку на плечо нашей гостье, негромким голосом пытается объяснить ей, что происходит вокруг.

– Каждая такая дверь ведет в одну из петель... Все это вместе называется Панпитликум, его изобрел брат мисс Сапсан, очень одаренный человек... а потом его забрал себе другой брат, очень коварный, наш злейший враг, Каул...

– На самом деле эта штука оказалась очень полезной, – вмешался Хью. – Петля, в которой мы сейчас находимся, Дьявольский Акр, раньше служила тюрьмой для странных преступников... потом эта деревня стала местом жительства всяких изгоев, объявленных вне закона, и наши враги, твари, устроили здесь свою штаб-квартиру...

– А потом Джейкоб помог разогнать их и убил их лидера, – с гордостью закончила Бронвин.

При упоминании имени Каула у меня по коже побежали мурашки.

– На самом деле он не *мертв* в полном смысле этого слова, – возразил я.

– Ну, допустим, – согласился Хью, – зато он сидит в ловушке в схлопнувшейся петле, из которой ему ни за что, никогда в жизни не выбраться, а это почти то же самое, что смерть.

– Твари тоже почти все убиты, а те, кто остался в живых, сидят под замком, – продолжала Бронвин. – И поскольку они уничтожили или сильно повредили много наших петель, целой толпе странных некуда было деваться, и они вынуждены были переехать сюда.

– Мы надеемся, что это временно, – сказал Хью. – Имбрины сейчас пытаются заново воссоздать утраченные петли.

На лице Нур появилось ошеломленное выражение. Судя по всему, ее мозг не мог переварить столько сведений сразу, и я вмешался:

– Может быть, урок истории стоит отложить?

Мы миновали длинный ряд окон, и Нур на ходу выглянула наружу. Дьявольский Акр заливал желтый вечерний свет, такой, какой бывает только в местах с очень грязным воздухом. Из окна видны были ветхие здания Акра, извивающаяся болотно-зеленая лента Лихорадочной Канавы, Дымящаяся улица, похожая на запутанный лабиринт, затянутый мглой, а за всем этим вставал старинный Лондон – лес шпилей и угрюмые серые здания, укрытые одеялом вечного смога, порожденного промышленной революцией.

– Боже мой, – едва слышно прошептала Нур.

Я шел рядом с ней.

– Это Лондон. Конец девятнадцатого века. У тебя снова появилось это ощущение, верно?

– Чувство нереальности происходящего, – отозвалась она, остановилась у открытого окна и, протянув руку, провела пальцем по карнизу. Показала палец мне: он был черным от сажи. – Но это все реально, – в изумлении произнесла она.

– Да, реально.

Она приблизилась ко мне и пошла рядом.

– А ты уже привык ко всему этому?

– Еще не совсем, но с каждым днем привыкаю все больше. – Я задумался. Попытался вспомнить, как трудно было мне еще совсем недавно принять реальность странного мира. – До сих пор бывают минуты, когда я задумываюсь о том, что произошло со мной за последние несколько месяцев, и голова идет кругом. Как будто я застрял в каком-то...

– Ночном кошмаре?

– Я хотел сказать – просто во сне.

Нур молча кивнула, и я почувствовал, как между нами промелькнула искра взаимопонимания. Мы оба двигались во тьме, следуя за тонкой золотой нитью любопытства, изумления и надежды, вплетенной в ткань этого нового мира. *«Во вселенной существует много такого, чего вы и представить себе не можете»*, – словно обещала нам эта нить.

А в следующий миг я краем глаза заметил тьму иного рода – и кровь застыла у меня в жилах.

– Значит, ты жив, – слышался коварный шепот у самого моего уха. – Должен заметить, что я доволен.

Повернув голову, я увидел прямо перед собой стену из черной ткани. Это был Харон; подкравшись сзади, он смотрел на нас с высоты своего немалого роста. Нур отшатнулась и прижалась к подоконнику, но на ее лице не было страха. Хью и Бронвин, сообразив, что происходит, незаметно отступили к ближайшему стенду с информацией о костюмах для путешествий по петлям и постарались сделать вид, будто их здесь нет.

– Не хочешь представить меня этой юной барышне? – спросил Харон.

– Харон, это...

– Меня зовут Нур, – вмешалась Нур, протягивая руку. – А вы?

– Всего лишь скромный лодочник. Бесконечно рад с вами познакомиться.

Светящаяся ухмылка возникла в черных недрах его капюшона, длинные белые пальцы обхватили нежное смуглое запястье Нур. Я заметил, что она старается подавить дрожь отвращения. Харон убрал руку и обернулся ко мне:

– Ты не пришел на наше собрание. Я был весьма разочарован.

– Возникли кое-какие дела, – объяснил я. – Мы можем поговорить об этом как-нибудь в следующий раз?

– Ну *разумеется*, – произнес он, изображая преувеличенную покорность. – Тысяча извинений, не буду вас больше задерживать.

Мы поспешили прочь. Бронвин и Хью ждали нас у лестницы.

– А *этому* что было нужно? – спросил Хью.

– Понятия не имею, – солгал я. И мы начали поспешно спускаться по ступеням.

Улицы Дьявольского Акра были забиты местными жителями и приезжими. Именно в тот вечер диковинные и подчас пугающие противоречия, которые являлись отличительной чертой городка, были видны особенно четко. Мы прошли мимо группы странных, которых имбрина обучала искусству применения необычных талантов для ремонта зданий. Рыжеволосый парень силой мысли заставил целую кучу бревен парить над землей, а две девушки превращали массивные острые обломки камня в гравий; дело продвигалось очень медленно, потому что они измельчали каменные столбы и плиты зубами. Мимо прошли два родича Харона; распевая песни и размахивая молотами, строители виселиц вели куда-то отряд жалких узников-тварей, скованных, помимо ножных кандалов, еще и общей цепью. За отрядом следовала имбрина и группа из десяти странных охранников.

Нур обернулась вслед плотникам, которые горланили песню:

Палач явился в тюрьму с зарей
Несчастливого вора будить.
«Я заглянул, пока ты живой,
Хочу тебя предупредить».

– Они?..

– Да, – ответил я.

– И *все*, кто здесь живет...

Наши взгляды встретились.

– Ага. Такие же, как мы.

Она в изумлении покачала головой, а потом глаза у нее стали круглые, как блюдца, и она подняла голову. Я проследил за ее взглядом и увидел необыкновенно высокого человека, который, неуверенно пошатываясь из стороны в сторону, шагал к нам по булыжной мостовой. Рост его составлял не менее пятнадцати футов, а цилиндр, красовавшийся на голове, добавлял еще пару футов. Я бы не смог дотянуться до карманов его штанов в цветочек, больше напоминавших палатку, даже если бы вытянул над головой руки и подпрыгнул.

Хью, проходя мимо, приветствовал высоченного незнакомца:

– Привет, Хавьер, как твоя постановка?

Человек остановился слишком быстро, поэтому ему пришлось махать руками, как ветряная мельница, и опереться о крышу ближайшего дома, чтобы не упасть. Он наклонился и заглянул в лицо Хью.

– Прошу прощения, не заметил тебя там, внизу, – прогремел он. – К сожалению, я столкнулся с кое-какими трудностями. Некоторых членов труппы направили на задания по восстановлению петли, поэтому мы опять ставим «Травяной зверинец». Они сейчас в Сквере, репетируют...

Он махнул рукой сравнительно нормальной длины в сторону грязного затоптанного газона, находившегося через дорогу, – это было единственное место во всем Акре, хотя бы отдаленно напоминавшее парк. Члены труппы начинающих актеров, ученики мисс Скворец, ковыляли туда-сюда в гротескных костюмах животных, вслух повторяя свои реплики.

Необыкновенное зрелище захватило Нур, и она уставилась на актеров, приоткрыв рот. Ее вывел из транса Хью, который поддал ногой камень и вполголоса пробормотал:

– Вот досада! А я так ждал момента, когда мы начнем заниматься с актером, играющим меня.

Нур повернула к нему голову, и на ее губах возникла неуверенная улыбка.

– Они собираются ставить пьесу о вашей компании?

Я ужасно смутился и почувствовал, что краснею.

– Ну, э-э, одна имбрина организовала театральную труппу... ничего особенного...

Я небрежно махнул рукой и повернулся в сторону, тщетно пытаясь найти другую тему разговора и отвлечь Нур.

– О, излишняя скромность ни к чему, – усмехнулся Хью. – Они поставили целую пьесу о том, как Джейкоб помог нам избавиться от тварей и изгнал Каула в адскую дыру в ином измерении.

– Это большая честь! – воскликнула Бронвин, широко улыбаясь. – Джейкоб здесь настоящая знаменитость...

– Стойте! Только посмотрите на это! – завопил я, надеясь, что Нур не расслышала последние слова Бронвин. Я указал на небольшую группу людей, собравшихся рядом на Пироговой площади. Двое странных устроили там какое-то соревнование.

– Это же состязание в подъеме двери! – воскликнула Бронвин, тут же забыв о пьесе. – Я собиралась участвовать, но сначала нужно немного потренироваться...

– Нечего здесь задерживаться, – перебил ее Хью, но Бронвин замедлила шаг и уставилась на диковинное состязание с таким же детским любопытством, как и мы с Нур.

Двенадцать человек стояли на двери, положенной горизонтально на козлы, и здоровенный молодой парень вызывающе смотрел на соперницу – высохшую пожилую даму. У нее было неприятное, зловещее выражение лица; казалось, она может одним взглядом заморозить воду в озере.

– Это Сандина, – объяснила Бронвин. – Она просто потрясающая.

Кучка зрителей начала скандировать ее имя: «Сандина! Сандина!» Женщина опустилась на колени около двери, уперлась в нее широкими плечами, затем медленно, с кряхтением поднялась на ноги. Люди, стоявшие на двери, зашатались и разразились одобрительными возгласами.

Бронвин тоже радостно завопила, и даже Нур крикнула: «Ура!» На ее лице отразились удивление и любопытство. *Любопытство*. Не ужас. Не отвращение. И я подумал, что она быстро освоится в странном мире.

Я вдруг сообразил, что понятия не имею, куда мы идем. Бронвин и Хью говорили что-то о нашем «доме», но в последний раз, когда я навещал друзей, они жили в огромной общей

комнате в цокольном этаже Панпитликума, похожем на проходной двор. Когда мы по хлипкому мостику переходили Лихорадочную Канаву, я, наконец, спросил, куда же мы идем.

– Пока ты лежал у костоправа, мисс Эс устроила так, что мы переехали из дома Бентама, – объяснил Хью. – Подальше от любопытных, которые так и норовят подслушивать чужие разговоры. Осторожно, эта доска шатается!

Он перепрыгнул через доску, она отвалилась и с плеском шлепнулась в черную воду. Нур осторожно перешагнула дыру, но у меня закружилась голова, и лишь огромным усилием воли я заставил себя поставить ногу на другую сторону.

Мы перешли на противоположный берег, двинулись вдоль Канавы и некоторое время спустя приблизились к древнему покосившемуся дому. Его вид противоречил всем законам физики и архитектуры. Казалось, здание стоит вверх ногами: его основание было в два раза уже, чем верхний этаж; второй и третий этажи, нависавшие над пустотой, поддерживал целый лес хлипких подпорок и жердей. Первый этаж был похож на жалкий сарай, на втором виднелись большие окна и вырезанные в стене декоративные колонны; над третьим этажом возвышался внушительных размеров купол. И все это было наклонено под опасными углами, покрыто пятнами от непогоды, давно облупилось и выцвело.

– Дом не сказать чтобы шикарный, – признала Бронвин, – зато наш собственный!

Знакомый тонкий голосок окликнул меня по имени, и я, запрокинув голову, увидел Оливию, vyplывающую из-за купола. В руках она держала ведро и тряпку, а веревка, обвязанная вокруг ее талии, туго натянулась.

– Джейкоб! – воскликнула она. – Это Джейкоб!

Она возбужденно помахала мне, я помахал ей в ответ; я был очень рад видеть ее и испытал огромное облегчение от того, что она так приветлива со мной.

От радости Оливия уронила ведро. Оно упало на участок крыши, который мне снизу было не видно; раздался возмущенный возглас, но по голосу я не смог определить, кто это был. Парадная дверь распахнулась с такой силой, что одна петля отлетела с громким звяканьем.

Из дома выбежала Эмма.

– Смотри, кого мы нашли! – объявила Бронвин.

Эмма остановилась в нескольких футах от нас и оглядела меня с ног до головы. На ней была рабочая одежда из грубой синей ткани и тяжелые черные сапоги. Щеки пылали румянцем под слоем пыли и сажки, она тяжело дышала, словно только что пробежала несколько лестничных пролетов. Выглядела она взъерошенной, и на ее лице отражался целый спектр противоречивых эмоций: гнев, радость, обида, облегчение.

– Даже не знаю, что мне делать – то ли дать тебе пощечину, то ли обнять!

Я невольно усмехнулся.

– Может, начнем с объятий?

– Ты полный придурок! Ты всех нас до смерти перепугал!

Она бросилась ко мне и обвила мою шею руками.

– Правда? – с невинным видом переспросил я.

– Ты же лежал на больничной койке, едва оправился от тяжелых ранений, и вдруг сбежал, не сказав никому из нас ни слова! Конечно, ты нас перепугал!

Я вздохнул и сказал, что мне очень жаль.

– *Мне тоже*, – прошептала она, уткнувшись лицом мне в шею, но в следующий миг резко отстранилась, словно вспомнила о том, что ей больше нельзя так делать.

Прежде чем я успел спросить, что она имеет в виду, меня тряхнуло – кто-то еще налетел на нас с разбегу. Я увидел обхватившие меня рукава пурпурной бархатной домашней куртки.

– Как чудесно, просто *чудесно*, что ты вернулся целым и невредимым, – повторял Миллард, – но, может быть, сцену воссоединения друзей лучше перенести с улицы в дом?

И он начал подталкивать нас к крыльцу. Переступая порог странного дома, я оглянулся, чтобы взглянуть на Нур, но увидел только сияющие лица Бронвин и Хью. А потом меня провели в уютную комнату с низким потолком, служившую одновременно гостиной, кухней и птичником: в углу кудахтали куры, повсюду было разбросано сено. В комнату один за другим ворвались мои друзья. Меня начали тискать и едва не разорвали на части. В кухне стало очень шумно, потому что все заговорили разом.

– Джейкоб, Джейкоб, ты вернулся! – восклицала Оливия, спускаясь по скрипучей лестнице так быстро, как только могла в туфлях со свинцовыми подошвами.

– И ты жив! – кричал Гораций, прыгая и размахивая высоким шелковым цилиндром.

– Ну разумеется, я жив! – отвечал я. – В моем путешествии не было ничего смертельно опасного.

– Ты не мог знать это наверняка! – возразил Гораций. – И я тоже, к сожалению... В последнее время мне вообще не снятся сны.

– Америка – это ужасное, опасное место, – возразил Миллард, по-прежнему цеплявшийся за мой локоть. – О чем ты думал, как ты мог уйти вот так, никому ничего не сказав!

– Он думал, нам все равно! – сказала Бронвин с таким видом, словно поверить не могла в подобную чушь.

Эмма воздела руки к потолку.

– О, клянусь *птицей*, Джейкоб, неужели ты так плохо нас знаешь?

– Из-за меня у вас уже столько неприятностей с имбринами, – попытался оправдаться я, – а потом, после того, что мы наговорили друг другу...

– Честно говоря, я ничего не помню.

Задумавшись, я понял, что тоже не помню ни слова из нашего разговора. Помню только свои чувства: обиду, боль и злость оттого, что они встали на сторону мисс Сапсан, отвернулись от меня.

– Люди говорят всякую чушь, когда сердятся, – быстро вставил Хью. – Это вовсе не значит, что нам все равно, жив ты или нет.

– Мы одна семья, – сурово заявила Оливия, уперев руки в бока и глядя на меня снизу вверх. – Неужели ты этого не понимаешь?

Что-то в ее сердито нахмуренном детском личике заставило мое сердце немного оттаять.

– Ах-ах-ах, мои друзья меня обидели! Несправедливо обошлись со мной! – завыл Енох, тяжело ступая по ступеням. В руке он тащил ведро, из которого выплескивалась вода. – Я один буду изображать героя и попаду в такую переделку, что меня понадобится срочно спасти! *Вот тогда* они поймут, что натворили!

– Я тоже очень рад тебя видеть.

– А я не рад. Из-за тебя нам пришлось ковыряться в смердящем навозе и целых два дня чистить сточные каналы. – Он протиснулся мимо меня и выплеснул прямо на улицу содержимое ведра, в котором плавали какие-то бурые куски. Затем вытер грязное лицо тыльной стороной еще более грязной ладони. – Может, они и готовы тебя простить, но мне ты теперь обязан, Портман.

– Что ж, справедливо, – заметил я.

Он протянул мне руку. С нее капала грязная вода.

– Добро пожаловать домой.

Я притворился, будто не замечаю грязи, и пожал протянутую руку.

– Спасибо.

– Кстати, как прошло спасение прекрасной девицы? Могу предположить, что подвиг закончился полным провалом – спасенной нигде не видно...

Я начал в тревоге озираться по сторонам.

– Нур?

– Она только что была здесь! – ответила Бронвин.

Меня охватила паника, но вдруг услышал ее голос: «Я здесь!» и увидел, как Нур появляется из облака тьмы, которого не было в комнате, когда я вошел. Ее шея слегка светилась изнутри. Я вдруг понял, что перестал дышать, и тяжело перевел дух.

– Впечатляет, – заметил Миллард.

– Не нужно прятаться, – сказала Оливия. – Мы не кусаемся.

– А я и не пряталась, – объяснила Нур. – Мне показалось, что вам, ребята, нужно поговорить без посторонних, вот и все.

Я подошел к ней, чувствуя себя виноватым, оттого что до сих пор не представил ее.

– Некоторые из вас уже знакомы с нашей гостьей, а для тех, кто еще не знаком... Все, это Нур Прадеш. Нур, это все.

Нур помахала присутствующим.

– Привет!

Мои друзья собрались вокруг нее, чтобы поприветствовать, и она показалась мне удивительно безмятежной. Передо мной была совершенно другая девушка, вовсе не та, которая отказывалась забираться в холодильник морга во владениях Неприкасаемых.

– Добро пожаловать в Дьявольский Акр, – сказал Гораций, с официальным видом пожилая руку новой знакомой. – Надеюсь, он не покажется тебе *слишком* отвратительным.

– Пока он кажется мне поразительным и удивительным, – улыбнулась Нур.

– Надеюсь, ты останешься здесь, с нами, – вмешался Хью. – После всего, что тебе пришлось пережить, ты заслужила отдых.

– Как приятно наконец встретиться с тобой, – заметила Оливия. – В последнее время все только о тебе и говорили. Точнее, в основном орали...

Я похлопал ее по плечу и отвел в сторону.

– Хорошо, Оливия, спасибо.

Подбежала Эмма и обняла Нур с несколько принужденным видом, словно она выполняла не слишком приятную обязанность.

– Забудь обо всем, что мы говорили раньше, – мы очень рады видеть тебя здесь. Это правда.

– Правильно! Верно! – воскликнул Миллард.

Енох вытер руку о штанину, прежде чем протянуть ее Нур.

– Очень приятно видеть тебя снова. Рад, что Джейкоб не провалил эту операцию. Но с другой стороны, бывало и лучше.

– Он сделал все, что мог, и даже больше, – возразила Нур. – Он и старик... – Она поморщилась при этом воспоминании.

– Что произошло? – спросила Эмма.

Нур бросила на меня быстрый взгляд, затем снова посмотрела на Эмму и хрипло прошептала:

– Он погиб.

– Эйч спас Нур, помог ей бежать из петли Лео, – объяснил я. – Его ранили, но он сумел продержаться достаточно долго и привел ее в свою квартиру. Там я их и нашел.

Мне стало стыдно из-за того, что я произнес все это безразличным и небрежным тоном, но сказанного не воротишь.

– Очень жаль это слышать, – заметил Миллард. – Я никогда не встречал его, но если он был соратником Эйба, он, без сомнения, хороший человек.

– Боже мой, – прошептала Эмма. – Бедный Эйч.

Она была единственной из моих друзей, кто знал Эйча, и мрачный взгляд, брошенный на меня, сказал: «Поговорим позже».

– Я обязана ему свободой, – тихо произнесла Нур. И все мы подумали, что сказать больше нечего.

Наступило неловкое молчание, и Миллард прервал затянувшуюся паузу, обратившись к Нур со словами:

– В любом случае я очень рад, что тебя вырвали из лап мерзкого Лео Бернема.

– Я тоже, – сказала Нур. – Этот человек... – Она медленно покачала головой, не в силах подобрать подходящие слова.

– Они ведь не сделали тебе ничего плохого, правда? – озабоченно спросила Бронвин.

– Нет. Они задавали мне кучу вопросов и сказали, что теперь я буду сражаться в их армии. Потом заперли меня в какой-то комнате на два дня. Это все.

– Благодарение богу хотя бы за это, – произнес я.

Затем чей-то тоненький голосок пропищал:

– Дело того стоило, Джейкоб? Рисковать ради нее столь многим?

Обернувшись, я увидел Клэр, которая сердито смотрела на меня, стоя на пороге. Недовольное, злое выражение ее лица резко контрастировало с веселой одеждой – желтыми резиновыми сапогами и детской шляпкой.

– Клэр, очень некрасиво так говорить, – упрекнула ее Оливия.

– Нет, это Джейкоб поступил некрасиво, когда ослушался мисс Сапсан. А ведь он знал, что его поступок может привести к войне! К войне, которую имбрины из всех сил стараются предотвратить!

– Ну и как? – спросил я.

– В каком смысле – ну и как?

– Привел он к войне или нет?

Клэр сжала кулаки и выдала самую злую гримасу, на которую только была способна.

– Дело *не в этом*!

– Если вам интересно, ваши с Эйчем действия не привели к войне. – Мисс Сапсан, как всегда безупречная в черном платье с пышными рукавами, с зачесанными наверх волосами, появилась на лестничной площадке. – Пока, по крайней мере. Хотя ситуация вскоре может измениться, и мы окажемся на грани катастрофы.

Директриса с величественным видом проплыла вниз по ступеням и направилась к Нур.

– Значит, вы и есть знаменитая мисс Прадеш, – бесстрастным голосом произнесла она и без особого радушия пожала руку Нур. – Меня зовут Алма Сапсан, я директриса этих детей, которые подчас бывают очень упрямыми и несговорчивыми.

Нур криво усмехнулась; казалось, она находила мисс Сапсан весьма забавной.

– Приятно познакомиться, – ответила она. – Джейкоб ничего не говорил мне ни о какой войне.

– Нет. – Мисс Сапсан обернулась и взглянула на меня. – Я так и думала, что он забудет об этом упомянуть.

Кровь бросилась мне в лицо.

– Я понимаю, что вы сердитесь на меня, мисс Эс, но мне просто необходимо было помочь Нур.

Я почувствовал на себе взгляды Нур и всех остальных, но продолжал смотреть прямо в глаза имбрина. Мисс Сапсан еще некоторое время сверлила меня взглядом, потом резко отвернулась, подошла к какой-то двери и открыла ее. За дверью находилась небольшая комната, нечто вроде гостиной.

– Мистер Портман, нам нужно обсудить с вами несколько вопросов. Мисс Прадеш, последние дни у вас выдались нелегкими. Уверена, вы с радостью воспользуетесь возможностью отдохнуть и поесть. Бронвин, Эмма, пожалуйста, позаботьтесь о нашей гостье.

Нур бросила на меня вопросительный взгляд – казалось, она спрашивала, какого черта здесь происходит... Я ответил ей быстрым кивком, надеясь успокоить, а затем мисс Сапсан подтолкнула меня в сторону маленькой комнаты и закрыла дверь.

Пол в комнате был устлан пушистыми меховыми коврами. Ковры и куча подушек – вот и вся обстановка. Мисс Сапсан подошла к пыльному окну и выглянула на улицу. Она стояла так всего несколько минут, но для меня время тянулось невыносимо долго.

– Я должна была предвидеть, что вы поступите именно так, – наконец, заговорила она. – На самом деле это моя вина. Я виновата, что оставила вас одного, без охраны. – Она покачала головой. – То же самое сделал бы в подобной ситуации ваш дед.

– Очень сожалею, что причинил вам столько хлопот, – пробормотал я. – Но я не сожалею о том, что...

– Хлопоты – это не самое страшное; с этим мы можем справиться, – перебила она. – Мы не смогли бы справиться с потерей, если бы вас там убили.

Я был готов спорить с директрисой, возражать, приводить рациональные доводы, объяснять, почему я отправился спасать Нур от Лео Бернема, и эта фраза застигла меня врасплох.

– Значит, вы не... сердитесь?

– О нет. Я вне себя от ярости. Но я давно научилась контролировать свои эмоции. – Она повернулась ко мне, и я увидел слезы в ее глазах. – Хорошо, что вы вернулись, мистер Портман. Никогда больше так не делайте.

Я кивнул, не в силах произнести ни слова. Меня самого душили слезы.

Она откашлялась, расправила плечи, и ее лицо снова стало бесстрастным.

– Ну, хорошо. Сейчас вы сядете и все мне расскажете. Если мне не изменяет память, вы говорили что-то о том, что ваш поступок был необходим.

В дверь громко постучали. Не успели мы ответить, как она распахнулась. Вошла Нур. Мисс Сапсан нахмурилась.

– Прошу прощения, мисс Прадеш. У нас личный разговор. Джейкоб должен кое о чем мне рассказать.

– Есть также кое-что, о чем мы должны поговорить с ним. – Она впилась в меня взглядом. – Это ваше пророчество. Ты говорил, что это срочно.

– Какое пророчество? – резко произнесла мисс Сапсан.

– Насколько я понимаю, оно имеет какое-то отношение ко мне, – сказала Нур. – Поэтому мне очень жаль, но я не могу допустить, чтобы кто-то услышал его раньше, чем я.

Мисс Сапсан, судя по выражению ее лица, была удивлена, но речь Нур произвела на нее впечатление.

– Я вас прекрасно понимаю. В таком случае вам лучше войти.

Она указала рукой в сторону кучи подушек, и мы расположились на полу. Мисс Сапсан тоже сидела на полу, но, несмотря на это, сохраняла царственный вид. Ее спина была совершенно прямой, руки она спрятала в складках черного платья. Я рассказал им с Нур о пророчестве, точнее, передал те обрывки, которые слышал. Рассказал о том, что предшествовало моему разговору с охотником. Я сообщил мисс Сапсан неизвестные ей подробности, в том числе о своем побеге из Панпитликума, о поисках Эйча в Нью-Йорке, о том, что обнаружил в его квартире – Нур, усыпленную пылью, спящую на диване Эйча, и хозяина квартиры, смертельно раненного, распростертого на полу.

А потом я повторил то, что сказал мне Эйч перед смертью.

Я пожалел, что не записал его слова, пока они были еще свежи в моей памяти. С тех пор как я их услышал, произошло столько событий, что я успел кое-что забыть.

– Эйч сказал, что существует пророчество, предсказывающее твое рождение, – начал я, глядя на Нур. – Ты «одна из семерых, которые станут спасителями странного мира».

Она уставилась на меня так, будто я говорил на древнегреческом.

– И что это значит?

– Понятия не имею, – пробормотал я и с надеждой посмотрел на мисс Сапсан.

Лицо директрисы оставалось бесстрастным.

– Он сказал еще что-нибудь?

Я кивнул.

– Он сказал, что «наступает новая и очень опасная эпоха». Думаю, именно от этой опасности «семеро» и должны нас «спасти». И еще он сказал, что те люди охотились за Нур именно из-за пророчества.

– Ты имеешь в виду психов, которые преследовали меня в школе? – вставила Нур.

– Точно. И которые потом прилетели за тобой на ту стройку на вертолете. И попали в Бронвин дротиком со снотворным.

– Хм-м. – На лице мисс Сапсан отразилось сомнение.

– Ну? – обратился я к Нур. – Что ты думаешь?

– И это все? – Нур приподняла брови. – Столько шума из-за пары фраз?

– Очень сомневаюсь, – сказала мисс Сапсан. – Похоже, Эйч передал послание в упрощенном виде, своими словами. Пытался сообщить тебе самое главное, зная, что истекает кровью.

– Но что это может *значить*? – обратилась Нур к мисс Сапсан. – Бронвин сказала, что вы все знаете.

– Более или менее. Но туманные пророчества – это не моя область.

Существовал, однако, человек, который специализировался именно на туманных пророчествах, а именно Гораций. И поэтому, с разрешения Нур, мы позвали его в комнату и пересказали наш разговор.

Он слушал не шевелясь, уставившись на меня как замороженный.

– Семь спасителей странного мира, – сказал он, потирая рукой подбородок. – Что-то мне это напоминает, но нужно больше информации. А он не сказал, кто был пророком? Или откуда взялось это пророчество?

Я попытался вспомнить.

– Он что-то бормотал насчет... – И тут я обнаружил, что забыл слово. – Какого-то... «Апокрифата»? «Апокритона»?

– Интересно, – кивнул Гораций. – Звучит как название древнего текста. Я о таком никогда не слышал, но это уже кое-что.

– Это все? – спросила мисс Сапсан. – Эйч сообщил несколько строчек из пророчества и умер?

Я покачал головой.

– Нет. Последнее, что он сказал перед смертью, – я должен доставить Нур к одной женщине, по имени Ви.

– *Что?*

Обернувшись, мы увидели Эмму, которая просунула голову в приоткрытую дверь. Она прижала руку к губам, смущенная своей несдержанностью, затем решила, что пути назад уже нет, и просто вошла в комнату.

– Извините. Но мы все слушали ваш разговор.

Дверь распахнулась: на пороге столпились все мои друзья.

Мисс Сапсан раздраженно фыркнула.

– О, ну тогда входите, – велела она. – Прошу прощения, Нур, но у нас и в самом деле нет секретов друг от друга, а кроме того, у меня такое чувство, что эта проблема рано или поздно коснется всех нас.

Нур пожала плечами.

– Если бы кто-нибудь мог сказать мне, что означает вся эта чертовщина, я бы написала ваше пророчество на рекламном щите и выставила на улице.

– Спасительница странного мира, а? – усмехнулся Енох. – Звучит интригующе.

Я ткнул его локтем под ребра, когда он уселся рядом со мной.

– Только не начинай, а? – процедил я сквозь зубы.

– Это была не моя идея, – сказала Нур, глядя на Еноха. – Если хочешь знать мое мнение, это звучит *бредово*.

– Но Эйч, судя по всему, верил в этот «бред», – заметил Миллард. Фиолетовая куртка плавала туда-сюда над полом. – Иначе он не стал бы рисковать собой, чтобы спасти жизнь Нур. И не придумывал бы столько уловок, чтобы втянуть Джейкоба и всех нас в операцию по ее спасению.

– Ты говорил, – обратилась ко мне Эмма, – об этой... женщине.

– Да, ее зовут Ви, – сказал я. – Она единственная оставшаяся в живых охотница, так сказал Эйч. Мой дед лично обучал ее в шестидесятых. О ней постоянно упоминается в его «Журнале операций».

– Прорицатели вспомнили, что несколько раз видели ее, – заговорила Бронвин. – Мне показалось, что она произвела на них большое впечатление.

Эмма поерзала на месте, не в силах скрыть волнение и неприязнь.

Мисс Сапсан достала из кармана небольшую трубку и попросила Эмму разжечь ее, глубоко затянувшись и выпустила облако зеленого дыма.

– Мне кажется очень странным, – сказала она, глядя мне в лицо, – что он посоветовал вам искать помощи у другой охотницы на пустот, вместо того чтобы обратиться к имбрине.

Вместо того чтобы обратиться ко мне.

– Это очень странно, – согласилась Клэр.

– Видимо, он считал, что Ви – единственный человек, который может нам помочь, – предположил я. – Но он не сказал почему.

Мисс Сапсан кивнула и снова выпустила зеленое облако.

– Мы с Эйбом Портманом уважали друг друга, но между моей и его организациями были разногласия по ряду вопросов. Возможно, Эйч считал более надежным отправить вас под защиту одного из своих товарищей, вместо того чтобы искать моей помощи.

– А может, он считал, что вы не полностью знакомы с ситуацией, – вставил Миллард.

– Или с пророчеством, – добавил Гораций, и на лице мисс Сапсан при упоминании об этом промелькнуло раздражение.

Разумеется, я знал, что Эйч не полностью доверял имбринам, но он не объяснил причину своего недоверия, поэтому я не был готов обсуждать этот вопрос с остальными.

– Он оставил нам карту, – заговорила Нур. – Которая должна помочь найти Ви.

– Карту? – воскликнул Миллард, и куртка повернулась к ней. – Расскажи подробнее.

– Перед тем как умереть, Эйч приказал своей ручной пустоте, Горацио, достать нам кусок карты из стенного сейфа, – объяснил я. – А потом он разрешил Горацио съесть его глаза...

Раздались возгласы отвращения.

– ...И, наверное, это позволило пустоте поглотить его странную душу. Несколько минут спустя Горацио начал превращаться в кого-то... я не знаю, но думаю, что в тварь. Однако он не успел превратиться до конца.

– В этот момент я проснулась, – заговорила Нур. – И Горацио сообщил нам кое-что. Нечто вроде подсказки.

– А потом выпрыгнул в окно, – закончил я.

– Могу я взглянуть на эту карту? – спросила мисс Сапсан.

Я подал ей карту. Мисс Эс разгладила клочок бумаги на коленях, и куртка Милларда склонилась над ее плечом. В комнате стало тихо.

– Этот обрывок мало что дает, – заметил Миллард через пару секунд. – Это крошечная часть более крупного документа, скорее всего, топографической карты.

– Да, то, что сказал Горацио, было похоже на координаты, – подтвердил я.

– Координаты помогли бы нам, если бы у нас была целая карта, – возразил Миллард. – Или если бы на карте были указаны названия городов, дорог, озер и тому подобного.

– Вообще-то, – сказала мисс Сапсан, – поднеся к глазу монокль с увеличительным стеклом и склоняясь над обрывком бумаги, – мне кажется, что названия были стерты.

– С каждой минутой это становится все более странным, – бормотал Миллард. – Ты сказал, что пустота произнесла что-то... Что именно?

– Он сказал, что охотницу можно найти в петле, – ответил я. – Эйч назвал ее «большим ветром», а Горацио сказал, что это место находится «в сердце бури».

– Кто-нибудь может объяснить, что это значит? – обратилась Нур к присутствующим.

– Похоже, эта петля расположена в центре урагана или циклона, – сказал Хью.

– Ясно, как день, – подтвердил Миллард.

– Но какой безумной имбрине могло прийти в голову создать петлю в таком ужасном месте? – воскликнула Оливия.

– Той, которая очень не любит незваных гостей, – ответила Эмма, и мисс Сапсан кивнула.

– Вам знакомо такое место? – спросила у нее Эмма.

Мисс Сапсан нахмурилась.

– К сожалению, вынуждена признаться, что нет. Возможно, оно скрыто где-то в Америке. И опять же, Америку я знаю плохо.

– Но кто-то должен знать, – сказал Миллард. – Не отчаивайтесь, мисс Прадеш. Рано или поздно мы во всем разберемся. Могу я это позаимствовать? – Карта поднялась с колен мисс Сапсан и взмыла в воздух.

Я посмотрел на Нур. Она кивнула.

– Хорошо, – сказал я.

– Если я не смогу понять, где эта петля, бьюсь об заклад, здесь найдется тот, кто сможет разгадать эту загадку.

– Надеюсь, – сказал Нур. – Мне хотелось бы пойти с тобой, когда ты будешь расспрашивать людей.

– Разумеется, – согласился Миллард; судя по голосу, он был доволен.

– А я могу помочь тебе выяснить больше о самом пророчестве, – вставил Гораций.

– Возможно, вам стоит обратиться к мисс Шилокловке, – посоветовала мисс Сапсан. – Когда-то я была ее ученицей, и я помню, что она очень интересовалась сомнамбулизмом, призрацизмом и автоматическим письмом. Пророческие тексты тоже относятся к этой категории.

– Потрясающе! – воскликнул Гораций, и его глаза возбужденно заблестели. Он склонил голову и посмотрел на мисс Сапсан. – Если бы меня на несколько дней освободили от хозяйственных обязанностей, это очень помогло бы делу...

– Договорились. – Директриса вздохнула. – В таком случае, вас, Миллард, я тоже освобождаю от работы.

– Это несправедливо! – возмутилась Клэр.

– Уверен, я тоже могу вам помочь, – ухмыляясь, заговорил Енох. – Может быть, допросим недавно покинувшего нас Эйча?

Я вспомнил мертвеца, лежавшего в ящике со льдом, которого Енох воскресил в Кэрн-холме, и содрогнулся.

– Нет уж, спасибо, Енох, – отказался я. – Я ни за что не позволю проделать это с ним.

Он пожал плечами.

– Я что-нибудь придумаю.

Все начали переговариваться вполголоса, но через несколько минут Нур поднялась на ноги и откашлялась.

– Хочу вас поблагодарить, – произнесла она. – Я здесь новичок, поэтому не знаю, часто ли у вас такое случается... Пророчества, похищения, таинственные карты...

– Не *очень* часто, – засмеялась Бронвин. – Мы прожили почти шестьдесят лет вообще без всяких событий.

– Тогда... спасибо, – немного смущенно сказала Нур.

Она снова села, на ее щеках пылал румянец.

– Друзья Джейкоба – наши друзья, – объявил Хью. – А друзьям мы всегда помогаем, чем можем.

Все хором поддержали его. Я вдруг понял, что действительно вел себя некрасиво и слишком самонадеянно, и возблагодарил судьбу за то, что она послала мне такую крепкую новую семью.

Глава третья

Через некоторое время мисс Сапсан объявила, что настало время обеда и что до сих пор мы вели себя по отношению к Нур как негостеприимные хозяева, но теперь у нас появился шанс все исправить. Мы двинулись в сторону лестницы и поднялись по шатким ступеням в столовую, где на длинном столе из неструганных досок были расставлены разномастные чашки и тарелки. Несколько окон выходили на грязную реку и ветхие домики, лепившиеся друг к другу на противоположном берегу. В янтарном свете заходящего солнца этот вид казался почти живописным.

Нам с Нур после всех приключений наконец-то удалось вымыться. В соседней комнате мы нашли таз и большой кувшин с водой; на стене висело мутноватое зеркало. Мы смогли умыться и слегка почистить одежду. Но только слегка.

Когда мы вернулись, Нур села за стол рядом со мной. Эмма зажигала свечи кончиком пальца, а Гораций занимался раздачей главного блюда: разливал его черпаком из большого черного котла, висевшего над очагом.

– Надеюсь, ты не против тушеного мяса, – произнес он, ставя перед Нур дымящуюся миску. – В Дьявольском Акре отлично кормят – конечно, при условии, что ты любишь тушеное мясо на завтрак, обед и ужин.

– Сейчас я готова съесть что угодно, – улыбнулась она. – Умираю с голоду.

– Вот и молодец!

Завязался непринужденный разговор, и вскоре комната наполнилась гулом голосов и бряканьем ложек. Здесь было удивительно уютно, особенно если вспомнить, что дом находится в Дьявольском Акре, еще не пришедшем в себя после войны. Умение создавать уют в самых угрюмых и убогих местах входило в число многочисленных талантов мисс Сапсан.

– А что ты делала в обычной жизни? – спросила Оливия с набитым ртом.

– В основном, ходила в школу, – ответила Нур. – Кстати, интересно слышать о собственной жизни в прошедшем времени...

– Отныне для вас все изменится, – заметила мисс Сапсан.

– Все уже изменилось, – возразила Нур. – Мой мир за последнюю неделю буквально перевернулся с ног на голову. С другой стороны, не могу сказать, чтобы мне хотелось вернуться обратно.

– В этом-то как раз все дело, – подхватил Миллард, тыча в ее сторону вилкой с наколотым куском мяса. – Очень трудно жить нормальной жизнью после того, как ты провел некоторое время в странном мире.

– Поверь мне, это так, я пытался, – подтвердил я.

Нур пристально посмотрела на меня.

– А тебе никогда не хотелось вернуть прошлую жизнь?

– Ни разу, – заверил ее я. Я говорил искренне. Почти.

– У тебя есть мать и отец, которые будут искать тебя, тосковать по тебе? – спросила Оливия. Оливия всегда расспрашивала о родителях. Думаю, она скучала по матери и отцу сильнее других наших товарищей, несмотря на то, что давно пережила их.

– Я жила в приемной семье, – сообщила Нур. – Никогда не видела своих настоящих родителей. Но я уверена: Вонючкинс и Тина не будут рыдать и биться головой об стену, если я не вернусь.

Услышав «Вонючкинс», кое-кто из моих друзей с любопытством посмотрел на Нур, но, наверное, все решили, что это просто какое-то чудное современное имя, потому что никто ничего не сказал.

– И как тебе нравится быть странной? – продолжала расспросы Бронвин.

Нур с начала ужина не успела проглотить ни кусочка; но ее это как будто не слишком волновало.

– Когда я еще не понимала, что происходит, было страшно, но сейчас уже начинаю привыкать.

– Уже? – удивился Хью. – А как же там, в петле Неприкасаемых...

– Если честно, не люблю замкнутые пространства, – смущенно объяснила она. – Мне тогда показалось, что лезть в это... в эту дверь – все равно что добровольно сунуть голову в петлю.

– Сунуть голову в петлю! – заорала Бронвин, громко смеясь и аплодируя. – Хорошо сказано!

Енох застонал.

– Пожалуйста, только без каламбуров о петлях, намеренных или случайных.

– Извините, – пробубнила Нур, которая воспользовалась небольшой паузой, чтобы сунуть в рот кусок мяса. – Я случайно.

Гораций поднялся и объявил, что сейчас будет подан десерт, сбегал на кухню и принес огромный пирог.

– А это еще откуда? – воскликнула Бронвин. – Зажал пирог, значит?

– Я приберег его для особого случая, – возразил тот. – Думаю, что сегодняшнее событие как нельзя лучше подходит под это определение.

Первый кусок пирога наш прорицатель положил на тарелку Нур. И прежде, чем она успела откусить хоть кусочек, спросил:

– А когда ты поняла, что отличаешься от остальных людей?

– Я всю жизнь была не такой, как остальные, – слегка улыбнулась Нур, – но всего несколько месяцев назад поняла, что могу делать *это*. – Она взмахнула рукой над свечой, «взяла» огонек двумя пальцами и сунула его в рот. Затем выплюнула пламя свечи в виде длинного потока светящегося дыма, который медленно опустился обратно, на фитиль свечи, подобно золотистым пылинкам.

– Чудесно! – воскликнула Оливия, а остальные ахали и хлопали в ладоши.

– У тебя есть друзья среди обычных людей? – поинтересовался Гораций.

– Есть одна подруга. Хотя... я думаю, что мы подружились именно потому, что она не совсем такая, как обычные люди.

– Ну, и как поживает Лили? – спросил Миллард, и до меня донесся негромкий тоскливый вздох.

– В последний раз я видела ее в тот же день, что и ты.

– О, – смутившись, неловко пробормотал он. – Конечно. Надеюсь, с ней все в порядке.

Эмма, которая все это время, против обыкновения, хранила молчание, внезапно заговорила:

– У тебя есть бойфренд?

– Эмма! – воскликнул Миллард. – Это слишком личное.

Эмма покраснела и уставилась в свою тарелку.

– Ничего страшного, – рассмеялась Нур. – Нет, у меня нет бойфренда.

– Ребята, мне кажется, нужно дать ей возможность хоть немного поесть, – вмешался я.

Вопрос Эммы смутил меня, сам не знаю почему.

Мисс Сапсан, которая молча размышляла о чем-то последние несколько минут, звякнула вилкой о стакан и попросила внимания.

– Завтра я снова отправляюсь в другую петлю, чтобы принять участие в важном совещании, – заговорила она. – Имбрины сейчас ведут очень важные переговоры с лидерами трех американских странных кланов, – она произнесла это суровым тоном, обращаясь непосредственно

к Нур, – и угроза войны между ними с каждым днем становится все более реальной. Уверена, дерзкий поступок Эйча и ваш побег лишь осложнили и без того напряженную ситуацию.

– Упс, – пробормотала Нур.

– Разумеется, никто вас ни в чем не обвиняет. Но нам придется каким-то образом компенсировать ущерб и успокоить разгневанных главарей. Если, конечно, мы сумеем вернуть их за стол переговоров.

– Все называют мирные переговоры «Собранием птиц», – театральным шепотом обратилась Бронвин к Нур.

Нур, которая явно ничего не понимала, уставилась на девушку-силачку.

– Почему?

Бронвин подняла бровь.

– Потому, что имбрины могут превращаться в птиц!

– Правда? – переспросила Нур, изумленно разглядывая мисс Сапсан.

– Никак не могу понять, из-за чего такая суета, – заявил Енох. – Неужели для нас жизненно важно, начнут ли американцы воевать друг с другом? Почему это должно нас волновать?

Мисс Сапсан застыла, потом очень медленно положила вилку.

– Мне очень не хочется повторяться, но, как я уже говорила, война – это...

– Вирус, – закончил Хью.

– Она «не знает границ», – продолжала Эмма так, будто повторяла вызубренные наизусть слова из учебника.

Мисс Сапсан, шурша платьем, поднялась со стула и подошла к окну. Мы поняли, что нас ждет очередная лекция.

– Разумеется, благополучие и процветание Америки не входит в число наших приоритетов, – начала она. – Нас, имбрин, в первую очередь заботит возрождение нашего общества – наших петель, нашего образа жизни. Но хаос, порожаемый войной, делает эту задачу невыполнимой. Потому что война – это действительно вирус. Я вижу, вы не до конца понимаете значение этой фразы. Это не ваша вина; никто из вас не имел несчастья наблюдать войну между группировками странных людей. Но многие имбрины подобные войны видели.

Она отвернулась и выглянула в окно, за которым раскинулся Акр. Постоянный смог над Лондоном и его предместьями окрашивал лучи вечернего солнца в пурпурный оттенок.

– Самые старшие из нас помнят конфликт, разгоревшийся в Италии в 1325 году и имевший катастрофические последствия. Странные противники пошли войной друг на друга, и битва, разразившаяся между ними, уничтожила не только физические, но и временные границы. Хотя странные сражались в петлях, их война, будучи необыкновенно жестокой, распространилась в настоящее. Погибли десятки странных и *тысячи* обычных людей. Целый город был сожжен дотла! Стерт с лица земли! – Она резко обернулась к нам лицом и повела слева направо рукой, ладонью вниз, словно желая наглядно изобразить разрушения. – Сражения между нами видели столько нормальных, что удержать это в секрете было уже невозможно. Война спровоцировала погромы, нападения на наш народ, кровавую резню, в результате которой погибли многие из нас, а странных на сто лет изгнали из северной Италии². Для того, чтобы оправиться от этого кровопролития, странным потребовалось приложить невероятные усилия. Нам пришлось стирать память жителям целых городов. Отстраивать города заново. Мы даже прибегли к помощи странных ученых – и в том числе Перплексуса Аномалуса! – для того, чтобы отредактировать исторические книги нормальных. Чтобы эта резня запомнилась под другим названием, а не как Война Уродцев, как несколько поколений называли ее.

² Речь идет о борьбе политических группировок гвельфов (сторонников усиления влияния папы римского) и гибеллинов (приверженцев императора Священной Римской империи) за господство на Апеннинском полуострове (1125–1392).

В конце концов, Перплексус и его коллеги превратили ее в «Войну из-за дубового ведра»³. До сегодняшнего дня нормальные считают, что тысячи людей погибли, не поделив какую-то деревянную посудину.

– Нормальные так глупы, что даже верится с трудом, – заметил Енох.

– Не так глупы, как в Средние века, – возразила мисс Сапсан. – То, о чем я рассказала, случилось семьсот лет назад. Если сегодня разразится серьезная война между странными, ее будет почти невозможно скрыть. Она перейдет в настоящее, ее снимут на видео, распространят эти кадры по всему миру, и о нас узнают все. Нас будут поливать грязью, а потом уничтожат. Представьте себе ужас нормальных, ставших свидетелями сражения между могущественными странными. Они подумают, что пришел конец света.

– «Новая и опасная эпоха», – мрачно пробормотал Гораций.

– Но разве американцам не известно обо всем этом? – удивилась Эмма. – Неужели они не понимают, чем может закончиться война?

– Они утверждают, будто все понимают, – сказала мисс Сапсан. – Клянутся и божатся, что будут придерживаться некоей конвенции относительно ведения войны, в которой сказано, что поле боя между странными обязательно должно находиться в прошлом или в какой-нибудь петле. Но войны трудно контролировать, и нам кажется, что наши заокеанские родичи недостаточно сильно озабочены последствиями своих распрей.

– Как русские и американцы во время так называемой холодной войны, – вставил Миллард. – Они ослеплены взаимным недоверием. Лишились чувства опасности и забыли, к чему могут привести постоянные активные действия на виду у нормальных.

– Уверяю тебя, обычно за едой мы не ведем таких унылых разговоров, – громко прошептала нашей гостье Оливия, сидевшая напротив.

– А что, если это и есть та самая «опасная эпоха», о которой упоминается в пророчестве? – заговорил я. – Вдруг оно предсказывает войну между странными?

– Вполне вероятно, что такая возможность существует, – сказал Гораций.

– Выходит, войны так или иначе неизбежны, – подытожил Хью.

– Нет, – возразила мисс Сапсан. – Я отказываюсь с этим смириться.

– Пророчества – не обязательно глас неумолимой судьбы, – сказал Гораций. Иногда это всего лишь предупреждение о том, что может произойти – или, вероятно, произойдет, – если вы не предпримете каких-то действий, чтобы изменить ход событий.

– А я надеюсь, что это пророчество вообще не имеет никакого смысла, – с несчастным видом пробормотала Оливия. – Все это звучит так пугающе.

– Да, я предпочла бы не нуждаться в спасении, благодарю покорно, – вставила Клэр.

– А я предпочла бы *не отвечать* за спасение кого бы то ни было от чего бы то ни было, – усмехнулась Нур. – Хотя там сказано, что я одна из семерых, поэтому вряд ли мне придется спасти мир в одиночку... Но кто же остальные шестеро?

Оливия уронила голову на руки.

– *Пожалуйста*, нельзя ли хотя бы пять минут поговорить о чем-нибудь более приятном? Эмма улынулась и взъерошила ей волосы.

– Извини, дорогая. Но меня беспокоит другое. Эта предполагаемая секретная организация, которая пытается добраться до Нур. Кто это такие?

– Мне бы тоже очень хотелось это узнать, но увы... – пожала плечами Нур.

– Только мне одному ответ кажется очевидным? – спросил Миллард.

³ «Война из-за дубового ведра» – один из вооруженных конфликтов в ходе противостояния гвельфов и гибеллинов. Сражение произошло в 1325 г. между городами-государствами Болонья и Модена. Поводом к сражению послужила кража солдатами Модены колодезного ведра с городской площади Болоньи. Оскорбленные жители Болоньи потребовали возвращения ведра; Модена отказалась, и Болонья объявила войну. В битве приняли участие около 35 000 пехотинцев и 4000 рыцарей, погибло 2000 человек.

Я с удивлением обернулся в ту сторону, откуда доносился его голос.

– А что, все настолько просто?

Он щелкнул невидимыми пальцами.

– *Твари.*

– Но Эйч несколько раз специально повторил, что это нормальные, – возразил я.

– Мисс Энни из петли прорицателей тоже рассказывала что-то о тайном обществе американских нормальных, – добавила Бронвин. – Оно якобы возникло еще во времена рабовладения и дожило до наших дней.

Я в очередной раз понял, что недооцениваю Бронвин: оказывается, она довольно внимательно слушала и запоминала все, что говорилось вокруг.

– Да, разумеется, я тоже это слышал, – процедил Миллард. – Охотно верю, что такое общество существовало в позапрошлом веке. Но очень сомневаюсь, что сейчас нормальные, даже самые злонамеренные, представляют для нас угрозу. Мы уже очень давно прячемся в петлях.

– Полностью согласна, – заметила мисс Сапсан.

– В последний раз, когда мы обсуждали нападение на Нур, – не сдавался я, – вы уверяли меня, что это похоже на действия враждебного клана. Но никак не тварей.

– С тех пор многое изменилось, – сказала она. – Активность тварей резко возросла. Только за последние несколько дней их десятки раз видели в разных местах.

– И они нападали на странных? – побледнев, прошептал Гораций.

– Пока нет, но нам постоянно приходят сообщения об их передвижениях. Все – из Америки.

– А я думала, что после гибели Библиотеки Душ сбежало лишь несколько тварей, – растерянно пробормотала Эмма.

Мисс Сапсан медленно обошла вокруг стола, на котором горела дюжина свечей. Длинные тени плясали на ее лице.

– Это верно. Но даже несколько тварей способны нанести нам большой ущерб. Кроме того, у них, возможно, имелись «спящие» агенты в Америке, которые только ждали приказа. Об этом мы знать не можем.

– А сколько их примерно? – спросила Нур. – Между эпизодом в школе и нападением с вертолета мне пришлось скрываться от множества...

– Возможно, они не *все* были тварями, – предположила Бронвин. – Они вполне могли заплатить наемникам из нормальных, чтобы те им помогали. Или воздействовать на их сознание, управлять ими.

– Мне кажется, что это как раз в духе тварей – попытаться осуществить дерзкое похищение среди бела дня, – упрямо возражал Миллард, – а потом представить дело так, будто виноват кто-то другой – нормальные или враждебный американский клан.

– В конце концов, они очень искусны в притворстве и всякого рода трюках, – согласилась мисс Сапсан. – Ведь Департамент Затемнения Сознания основал не кто иной, как сам Персиваль Мурнау.

Она произнесла это имя таким тоном, словно оно было хорошо знакомо всем присутствующим.

– Кто это? – спросил я.

Мисс Сапсан остановилась около моего стула и посмотрела на меня сверху вниз.

– Мурнау – ближайшее доверенное лицо и помощник Каула. Вернее, был им. Он устраивал рейды, в результате которых было уничтожено множество наших петель и убито множество наших людей. К счастью, мы схватили его в тот день, когда обрушилась Библиотека Душ, и сейчас он сидит под замком в местной тюрьме. Ждет суда.

– Мерзкий тип, – произнесла Бронвин, ее голос дрогнул от отвращения. – В мои обязанности входит охрана тюремного корпуса, где находится его камера. Он пожирает все живые существа, которые заползают туда, – крыс, тараканов. Даже другие твари стараются держаться от него подальше.

Гораций уронил вилку.

– Ну все, поздравляю. *Меня* ты на сегодня лишила аппетита.

– Хорошо, допустим, за мной гонялись эти ваши твари, – заговорила Нур. – Но что им было нужно?

– Должно быть, они тоже узнали о пророчестве, – сказал Гораций. – И поверили в него, иначе не стали бы тратить столько сил и средств, чтобы тебя отыскать.

– Они нашли ее несколько месяцев назад, – напомнил Миллард. – И могли в любой момент захватить ее. Но они *ждали*.

– Чего? – спросил я.

– Очевидно, того момента, когда в контакт с ней вступит кто-нибудь еще, – ответил он.

– Думаешь, меня использовали как приманку? – воскликнула Нур, подняв брови.

– Не только как приманку, – возразил Миллард. – Ты была им нужна. Но им нужны были и другие. Твари готовы терпеливо ждать, только бы поймать их.

– Кто эти «другие»? – спросил я. – Эйч?

– Может быть. Или Ви.

– Или вы, мистер Портман, – добавила директриса. Она сделала паузу, чтобы я успел освоиться с этой мыслью. Я с трудом проглотил последний кусочек пирога. – Мне кажется, что мисс Прадеш и вам необходимо быть крайне осторожными. Потому что рано или поздно кто-то снова попытается похитить вас обоих.

Покончив с ужином, мы поднялись наверх, в спальни. Третий этаж представлял собой лабиринт тесных комнаток, соединенных зигзагообразными коридорами. Половина верхнего этажа предназначалась для мальчиков, другая половина – для девочек.

Нур едва держалась на ногах от усталости, и я заметил, что у нее покраснели глаза. Наверняка я тоже выглядел измотанным. У нас хватало сил только на то, чтобы с трудом переставлять ноги.

– Будешь спать в комнате со мной и Горацием, – сказал мне Хью.

– А ты можешь спать на моей кровати, – обратилась Оливия к Нур.

– Ни за что. Я лучше буду спать на полу.

– Ты меня нисколько не стеснишь, – рассмеялась Оливия. – Я обычно сплю на потолке.

– Удобства у нас примитивные. Если говорить откровенно, их вообще нет, – сказал Хью и указал на ведро, стоявшее в конце коридора. – Это туалет. – Затем повернулся и кивнул на другое ведро, в противоположном конце. – А это чистая кипяченая вода для питья. Смотрите, не перепутайте.

Все разошлись, оставив нас с Нур вдвоем, и в это время появилась мисс Сапсан с лампой, в которой горела свеча. Директриса переделалась в ночную рубашку с длинными рукавами, ее распущенные волосы падали на плечи и спину.

– Утром мы не увидимся, – с сожалением произнесла она. – Но я буду совсем рядом, за одной из дверей Панпитликума. Если я вам понадобится, вы всегда можете отправить курьера в петлю Собрания.

– Жаль, что вам придется уйти, – ответил я. – Нам не помешала бы ваша помощь.

– Если бы дело не касалось таких важных вещей, я бы ни за что не покинула вас. Но сейчас на мне большая ответственность. Я уйду еще до рассвета. – Она улыбнулась Нур. – Очень рада, что вы теперь с нами, мисс Прадеш. Надеюсь, вы обретете здесь новый дом. Возможно, обстоятельства нашего знакомства были далеко не идеальными, но я все равно рада нашей встрече.

– Спасибо, – сказала Нур. – Я тоже рада, что меня приняли здесь.

Мисс Сапсан наклонилась к Нур и расцеловала ее в обе щеки – насколько я мог вспомнить, она приветствовала так лишь других имбрин и почетных гостей.

– Да благословит вас птица, – произнесла она и удалилась по коридору.

– Завтра начнем разгадывать твою загадку, – пообещал я. – Если пророчество содержит и другие сведения, мы это выясним. А Миллард поможет нам с картой. – Я еще пару секунд смотрел в глаза Нур. – Это исключительно важно для всех нас.

Нур кивнула.

– Спасибо.

Она устало вздохнула. Я снова почувствовал, что между нами много общего, и посочувствовал ей. Когда-то, в самом начале знакомства со странным миром, я чувствовал то же самое.

– Ну, как ты? – спросил я. – Все еще кажется, что сходишь с ума?

– Наверное, очень хорошо, что у меня не было ни одной свободной минуты, чтобы подумывать об этом. Пока я просто принимаю все как есть. Знаешь, о чем я начинаю думать всякий раз, когда меня хоть на мгновение оставляют в покое?

– О чем?

– О том, что через два дня у меня экзамен по дифференциальному исчислению и мне нужно заниматься.

Мы оба рассмеялись.

– Думаю, твой средний балл немного пострадает. Мне очень жаль.

– Да ничего. Все так странно, непонятно и... страшно, так что слов нет... полная неразбериха в мыслях... Но несмотря на это, несмотря на то, что все идет не так, как надо, я... счастлива.

– Правда?

Она понизила голос почти до шепота.

– В первый раз за много, много лет я... больше не одинока.

Наши взгляды встретились. Я протянул руку и коснулся ее пальцев.

– Ты не одинока, – заверил я Нур. – Ты со своим народом.

Она благодарно улыбнулась и обняла меня. Мое сердце дрогнуло от какого-то непонятного, но сильного чувства.

Я наклонился и коснулся губами ее волос. Это был почти поцелуй. А потом мы пожелали друг другу доброй ночи.

Мне снова приснился старый кошмар. Тот самый, который я видел столько раз, после того как деда убили. Я вернулся в ту ночь, когда он погиб, я бежал по лесу, продирался сквозь колючие кусты, росшие позади его дома, выкрикивал его имя. И, как всегда, я нашел его слишком поздно. Эйб лежал на траве, истекая кровью, в его груди зияла дыра. Один глаз был вырван. Я подбежал к нему. Он попытался заговорить. Он всегда говорит со мной в кошмарах, и всегда повторяет те самые слова, которые на самом деле произнес перед смертью: «*Найди птицу. В петле*». Но на этот раз дедушка лишь бормотал что-то по-польски, и я не понял ни слова.

Вдруг я услышал, как хрустнула ветка, и, подняв голову, увидел чудовище, залитое кровью Эйба. Надо мной мелькали жуткие толстые языки.

У монстра была морда Горацио. А потом гортанным голосом, голосом пустоты, он произнес два слова, которые я сразу понял:

«*Он идет*».

Сон резко оборвался, и я, дрожа всем телом, сел на кровати. Оказалось, что меня разбудил какой-то взрыв.

Оглядевшись, я увидел, что Хью и Гораций вскочили и, отталкивая друг друга, пытаются разглядеть что-то в окне.

– Что случилось? – крикнул я, выпутываясь из простыни.

– Что-то нехорошее, – отозвался Хью.

Я подошел к окну. Едва начинало светать. Вдалеке завывали сирены, по улицам Акра разносились крики перепуганных людей. Жители соседних зданий распахивали окна и высывались наружу, чтобы понять, что происходит.

В комнату ворвалась Бронвин с взлохмаченными волосами.

– Что происходит? – воскликнула она. – Где мисс Эс?

Мимо нее протиснулась Эмма.

– Все бегом в общую комнату! – крикнула она. – Переключка, немедленно!

Через минуту мы собрались внизу. Все были на месте, за исключением мисс Сапсан, которая еще до рассвета покинула дом и отправилась на свое собрание. Где-то на территории Акра случилось что-то чрезвычайное – нападение врагов, взрыв, *катастрофа* – но мы не могли понять, что именно.

За окном раздался крик какого-то человека, видимо, стража порядка. Он шел по улице и властным голосом отдавал приказы: «Всем оставаться в домах! Не покидать здания до соответствующих распоряжений!»

– А что же с мисс Эс? – пропищала Оливия. – Вдруг с ней что-то случилось?

– Я могу это выяснить, – предложил Миллард. – Я же невидимка.

– Я тоже могу стать невидимкой, – заговорила Нур, провела руками перед собой, «забрала» свет и шагнула в темноту. – Позволь, я помогу тебе.

– Очень ценю твоё предложение, но я привык работать в одиночку.

– Не стоит рисковать, – вмешалась Эмма. – Мисс Эс в состоянии о себе позаботиться.

– Я тоже, – упорствовал Миллард. – Что бы там ни случилось, могу побиться об заклад: всей правды нам никто не скажет. Если хочешь узнать в этой деревне что-то стоящее, сведения приходится добывать самому.

Он выскользнул из пижамы и оставил ее валяться на полу.

Эмма попыталась его схватить.

– Миллард, немедленно вернись!

Но он уже убежал.

В ожидании известий мы нервно мерили шагами общую комнату и обменивались отрывистыми замечаниями. Нур что-то напевала, сложив руки на груди. Оливия, обвязавшись веревкой, выплыла из окна третьего этажа и поднялась так высоко, как только могла, в надежде разглядеть, что происходит.

– Видела дым над Дымящейся Улицей, – сообщила она несколько минут спустя, когда мы втащили ее обратно, наматывая веревку на катушку.

– Дымящаяся Улица дымится, – усмехнулся Енох. – Именно поэтому ее и называли Дымящейся.

– Ну, хорошо: я видела *необычно* большое количество дыма над Дымящейся Улицей, – уточнила Оливия, надевая ботинки со свинцовыми подошвами. – Темного, даже черного дыма.

– Там находятся остатки квартала тварей, – встревоженно заговорила Бронвин. – И тюрьма, где мы держим тех, кого удалось поймать.

Нур подошла ко мне.

– Это плохо, да?

– Похоже на то, – пробормотал я.

– Иначе и быть не может. Именно в тот день, когда я появляюсь в вашем городе, все внезапно идет вкривь и вкось. – Она сжала губы и бросила быстрый взгляд в окно. – Иногда мне кажется, что я приношу несчастье.

Я хотел возразить, сказать, что это просто смешно, но в этот момент появился Миллард. Босые ноги быстро шлепали по ступеням крыльца – он бежал.

Все собрались вокруг него.

– Какие новости? – спросила Эмма, но Милларду нужно было отдышаться, прежде чем он смог вымолвить хоть слово. Мне даже показалось, судя по звукам, что он лег на пол.

Наконец, все еще тяжело дыша, он сумел выговорить:

– Это... твари.

– О нет, – донесся до меня едва слышный шепот Бронвин. У нее был такой вид, словно одно это слово подтвердило ее худшие страхи.

– Что – твари? – пролепетал Енох испуганным голосом, который я слышал у него крайне редко.

– Вырвались... из тюрьмы... и бежали.

– Что, *все*? – воскликнул я.

– Четверо. – Миллард сел и вытер лоб тряпкой, которая валялась под рукой; это оказался чей-то грязный носок.

Гораций принес чашку воды. Выпив ее залпом, невидимка принялся поспешно выкладывать новости. Твари убили странного охранника, который дежурил в тюрьме.

– Хвала птицам, сегодня ты была дома, – сказал он Бронвин.

Затем они проделали дыру в стене тюрьмы, достаточно большую для того, чтобы протиснуться в нее, не привлекая внимания, пробрались в Панпитликум и бежали.

Взрыв, который мы слышали, произвела бомба, установленная тварями в коридоре Панпитликума.

– Про мисс Сапсан ничего не слышно? – спросил я.

– Она отправилась в петлю, где проходит собрание, и покинула Панпитликум за несколько минут до того, как произошел взрыв, – ответил Миллард. – Один из слуг Харона, работающих в Панпитликуме, подтвердил это.

– Слава богу! – воскликнула Оливия.

– Мне кажется, нужно, чтобы кто-нибудь сходил и привел ее сюда, – заявила Эмма. – Она должна об этом знать.

– А вот здесь проблема, – пробормотал Миллард.

– Почему это?

– Потому, что твари забрали с собой пустоту, которая служит источником энергии для Панпитликума. И теперь весь этот агрегат не работает.

Нам всем показалось, что в комнате не осталось воздуха, стало нечем дышать. Все будто оцепенели.

– Что? – прошептал я. – *Как*?

– Ты же знаешь, что твари и пустоты – союзники...

– Нет, я хотел спросить, как они сумели воспользоваться Панпитликумом для бегства, если они увели пустоту, дающую ему энергию?

– Должно быть, после отключения в аппарате осталась резервная энергия на несколько минут работы. Как раз достаточно, чтобы успеть скрыться.

Я почувствовал, как внутри у меня что-то оборвалось.

– Что все это значит? – заговорила Нур.

– Это означает, что, куда бы они ни отправились, мы не можем за ними последовать, – покачала головой Эмма.

– А еще это значит, – добавил Миллард, – что мы застряли здесь неизвестно насколько.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.